

МИХАИЛ
КЕЛЬМОВИЧ

ОТРЯД АЗ

Михаил Кельмович

Отряд Аз

«Остеон-Групп»

2015

Кельмович М.

Отряд Аз / М. Кельмович — «Остеон-Групп» , 2015

Дикая охота в XXI веке – совсем не то, что об этом обычно думают. Тин, герой романа «Отряд Аз», много лет борется за судьбу человечества с неведомым врагом. С помощью друзей он бросает вызов собственной судьбе. Цепь головокружительных приключений, схваток и погонь разворачивается по всему миру. Места силы на Ладоге, джунгли и вулканы Суматры, яхты и греческие острова... Схватка происходит на ледовых перевалах Гималаев в Непале, в мистическом лабиринте Старого Города в Иерусалиме и в непостижимых мирах сновиденья. У Тина есть таинственный могущественный союзник. Кто он? Чем завершится грандиозная битва? И завершится ли она когда-нибудь?

Содержание

Пролог	5
Книга первая. Одинокий воин	10
Эпизод 1. Тин	10
Эпизод 2. Дикая охота	26
Эпизод 3. Каникулы	39
Эпизод 4. Хождение по снам	58
Эпизод 5. В поисках Нео	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Михаил Кельмович Отряд АЗ

Любое из существ имеет особое назначение. Благодаря этому, они не только образовывают части вселенной, но и сами по себе есть вселенные, владеющие самобытным значением.

«Закон Синархии». В. Шмаков

Пролог

«Иногда они появляются над домом, и тогда смерть или бедствие непременно посетят этот дом».

Уильям Хендерсон

От автора

В декабре 2005 года перед рождеством я заехал к приятелю – он жил в городке Куопио, Северного Саво, в восточной Финляндии. Городок ничем не примечателен. Ну, не финским же краеведческим музеем и озерами, право. Но рядом с ним на горе, поросшей таежным лесом, проложены отличные горнолыжные и беговые трассы, а на вершине построен трамплин.

Стояли крепкие морозы, мы целые дни проводили на горе. Пьянил кристально чистый воздух. Звенели нарезанные лыжи. Заснеженные ели упирались в небо, как взлетающие баллистические ракеты…

Приятель, у которого я остановился, жил на островке Реке, соединенном с остальным городом дамбой. На острове были только коттеджи, и весь он походил на рождественскую европейскую открытку: с домиками среди сугробов, украшенными елками и огоньками свечей на улицах. По вечерам почти молча мы выпивали по рюмке коньяка у камина.

Как ни было хорошо, через три дня мне надо было отправляться в Хельсинки. Там собиралась большая компания на праздник. Выехал под вечер, но возле центральной площади, напротив рынка, увидел сиявшую желтым витрину кафе, и вдруг захотелось тепла и кофейного аромата.

Я выскочил из машины без пальто и помчался к входу под вывеской. В дверях почти столкнулся с молодым человеком. Он пропустил меня внутрь. Мы уже совсем было разминулись, но, обернувшись, доброжелательно друг другу улыбнулись. С близкого расстояния он напоминал популярного голливудского актера. Мгновением позже наши взгляды встретились, и показалось, что черная пустота его зрачков прожгла дыру в моем сознании или, точнее, во времени. Еще через секунду этого было почти не вспомнить. Осталось только ощущение некоторой странности.

Я сосредоточился на этом ощущении. Странные мелочи несут в себе глубокое содержание, и ими не следует пренебрегать писателю, суть ремесла которого – наблюдательность. Прежде всего, открытая юношеская улыбка человека в дверях контрастировала с его взглядом. Попытался назвать взгляд: тревожный? пустой? И показалось, что на долю секунды потерял ориентировку в пространстве. Следующее, что стало понятно почти сразу: мы должны были столкнуться с ним наверняка, но этого не произошло. Каким-то неестественным образом мы разминулись. И если пытаться представить, как это могло быть, получалось, что причиной тому либо нарушение сил гравитации, либо невероятная скорость реакций этого человека. Яглянул на улицу. Незнакомца уже не было. Ну что ж…

Кофейня показалась слишком затейливой для финской глубинки. Небольшая комната со старинными креслами. Все три столика заняты. Буфет из резного дуба с медной и глиняной посудой, фото начала прошлого века в рамках, зеркала, довоенные игрушки, птичий клетки и веера на стенах, бронзовые люстры с оранжевым абажурами. Напротив входа румянный усатый хозяин за стойкой и витрина с невесомыми яблочными штруделями в сахарной пудре. Елка в цветных огоньках.

У кафе был второй этаж – антресоли, и там еще два маленьких стола. Один из них был свободен. Я торопился занять его, и оказался, как бы на балконе над всем кафе. Убрать официант еще не успел. На скатерти стояла недопитая чашка кофе, и рядом с ней лежал блокнот, открытый будто нарочно. Захотелось заглянуть в него. Несколько фраз на русском языке занимали половину первой страницы. Я прочел их и сразу же подумал, что это блокнот того человека, с которым чуть не столкнулся в дверях. Текст заинтриговал меня еще больше, чем сам незнакомец.

Первая страница дневника

23.12.2005 года.

Меня зовут Тин. Часто удивляются, говорят – странное имя. Ничего странного. Это сокращенное от «Константин». Так называли меня друзья в Германии.

Я решил вести дневник, и начинаю его сегодня, 23 декабря 2005 года, накануне рождества, в маленьком финском городке Коупио. Сижу в холле отеля «Скандиник», за столиком у стеклянной стены. За стеклом ясное морозное утро, заснеженное озеро, контур старой мельницы на островке, ели в пушистых снежных шапках, отливающих голубизной.

Характерное для Финляндии ощущение вакуума. Порой кажется, будто глухнешь, или оказался в пустынном kraю, от жилья на десятки километров. При этом фактически располагаешься в удобном кресле, в зоне Wi-Fi. Рядом компьютеры, огромный Санта Клаус с кем-то говорит по мобильнику. Борода лопатой, румяные щеки, шуба до пола. Больше похож на нашего Деда Мороза. Из дальних кресел двое детей показывают на него пальцем, смеются. Ни смеха, ни слов не слышино. Настоящая Финляндия. Рождество. Здесь спокойно, как бывает в центральных районах Суоми, в двухстах километрах к северу от стандартных туристических маршрутов.

Покой – единственно нужное мне сейчас состояние. Тишина, неторопливая финская рассудительность, качественный, ненавязчивый сервис. Чего еще может желать человек, оставшийся в живых после Дикой охоты?

Возможно, позже мне придется повторить все еще раз, и я смогу получить ответы на свои вопросы.

Упоминание о Дикой охоте как о чем то настоящем и случившимся в наши дни, напоминало розыгрыш. Я колебался некоторое время, не заехать ли мне с блокнотом в отель, который упоминался в тексте. Показалось, что это возможность познакомиться с чем-то необычным. Но может быть, писал совсем не он, и мне надо было ехать срочно.

Все как всегда... Допил кофе, расплатился и оставил блокнот на стойке у бармена, с обещанием, что он позвонит в отель, если за забытой вещью никто не зайдет. Предварительно сфотографировал отрывок. Текст пополнил коллекцию странных загадочных вещей и памяток о событиях, что представляются мне тропинками из обыденного мира в магическую реальность.

Приблизительно через десять месяцев знакомый (сам чудом выживший) рассказал мне о жуткой передряге, в которую попали двое известных московских литераторов, будучи на отдыхе на Адриатическом побережье. Тогда я начал свои поиски...

Легенда о дикой охоте

07.09.2006 года.

Вечером в начале сентября 2006 года двое сидели на террасе небольшого крытого черепичной крышей коттеджа. Они расположились в плетенных креслах, лениво отхлебывая пиво из массивных запотевших бокалов. Дом стоял на склоне горы и вознесен был высоко над морем и парком, а также крохотной бухтой, в которой живописно смешались игрушечные домики, скалы, небольшой пляж, и на воде замерла стайка моторных лодок.

Высоко над берегом петляла трасса, но дом был еще выше, редкие машины проносились почти беззвучно. Вид с террасы открывался великолепный: зеленые отроги гор, причудливо изрезанный берег. Переливаясь бирюзой и белыми искрами, море уходило к горизонту.

Двое мужчин лет сорока пяти пребывали в состоянии ленивой усталости от удовольствий и обилия приятных впечатлений. Холодное пиво было великолепным завершением дня. Пиво и неторопливый и почти беспредметный разговор.

– Вы знаете Евгений, – произнес один из них. Несмотря на тень от навеса, он сидел в мятоей панаме, надвинутой на глаза, был художественно небрит, и его несколько помятое лицо с артистическим выражением, а также брезгливая складка у губ, выдавали в нем сноба.

– Вы знаете, Байрон писал о Черногории как о самом красивом месте, которое он видел. «Когда были рассыпаны жемчужины природы, целые пригоршки упали на эту землю», – вальяжно продекламировал он, и отхлебнул пива.

Второй, коренастый, с крепким животиком, круглым лицом и аккуратной шкиперской бородкой ничего не ответил. Скользнула вялая мысль о манерности собеседника. Но здесь, на отдыхе, в отличие от московских литературных гостиных и заседаний союза писателей в ней не было привычной едкости. Хотелось только продлевать ощущение безмятежности.

Евгений – состоявшийся столичный писатель, а его собеседник – преуспевающий переводчик и критик. А, как известно, нынче, это нелегкая стезя даже для успешного, талантливого человека. Столько нервов и суety... Что-то в цитировании Байрона, Евгения зацепило. Его мысли потекли в ненужном направлении. Воспоминания о Москве и о работе разрушили ауру покоя. Оттого, возможно, в отместку он неожиданно даже для себя заговорил о последних местных новостях. А новости, как известно, радости и покоя не прибавляют.

– Не слышали, Марк Григорьевич, последних слухов? – спросил он. Получалось, что не в ответ, без связи с предыдущим.

– Нет, а что случилось? – Марк был все так же беспечен и ленив.

– Пишут, недалеко отсюда в Хорватии, в районе Дубровника появилась банда байкеров. В этих краях их раньше не бывало, или почти не бывало. Говорят, хулиганят, шалят сильно, обзывают отдыхающих.

– Да, что вы, дорогой, какие банды, помилуйте. Газетчикам писать не о чем, – продолжал благодушествовать Марк.

– И название у них странное: «Псы Аннуина». Одни считают, что это одна из групп «Ангелов Ада», а другие, что вообще новый клуб.

– Евгений, давайте достанем фисташек к пиву. Я в байкерских бандах совсем не разбираюсь. – Марк был непрошибаем. – Но, вы знаете, – он вдруг оживился, – название действительно интересное. Я думал, байкеры люди, в основном, невежественные и древних легенд не знают.

– Вы о Дикой охоте, Марк Григорьевич? – Евгений смирился с тем, что собеседник не хочет волноваться, а старинные легенды ему самому нравились.

– О ней, о самой. Знаете, говорить здесь о таких вещах даже странно. Есть в этом некая неуместность. Дикая охота «обитала» в северных странах или в центральной Европе... И легенда мрачная. А здесь Юг, благодать. Впрочем, как и байкеры здесь не уместны, – строго заметил Марк.

– Насколько я помню, – Евгений задумался, – Дикая охота: отряд призрачных всадников, которые в мрачное время ночью скачут по небу в сопровождении огромных псов. Адских псов. Охота эта порождение Тьмы и Ада, и ведет их по сумрачным тропам сам Дьявол. – Он как будто цитировал, – Еще во многих источниках указано, что встреча с темной охотой сулит беду и смерть.

– В первом приближении так, уважаемый Евгений. Однако христианские переложения легенд являются более поздними. Первичны языческие версии. – Марк комментировал с еле заметной ironией. – В ранних скандинавских сказаниях охоту водит сам Один, владыка Вальхаллы. У кельтов это был рогатый лесной бог Кернуннос. В старой Англии Дикову охоту связывали с именем легендарного короля бриттов Херлы, который побывал в Ином мире в гостях у короля – демона. Позже водчим охоты называли англо-саксонского лорда Эдрика Дикого, человека реально существовавшего. Летописи упоминают о нем в середине XI века. А вот о псах Аннуина говорит валлийская версия. Их часто называют псами Ада. По валлийской легенде Ад это просто Иной мир.

Были и совершенно другие предводители Дикой охоты, – продолжил он. – В более поздних английских вариантах ею управляет Френсис Дрейк. В Северной Германии с призраками мчится языческая богиня Холде, в Норвегии именуемая Фригг. В любом случае Дикая охота приходит из Иногого мира, а ее вожак либо темное божество, либо человек, прошедший через Ад или Нижний мир и превратившийся в орудие зла. – Голос Марка звучал гладко, появились лекционная плавность и ритмичность речи. Он входил во вкус, но все же вовремя остановился и, довольный собой, добавил: – А вот «Псы Аннуина» – точно из Валлийской легенды.

За содержательным разговором вечер сгустился, и склоны горы покрыла тень. Потом резко упала ночь, зажглись фонари на трассе и окна домов внизу. Еле слышно играла музыка у пляжа. Взошла огромная полная луна. По морю протянулась расплавленная дорожка. Светло стало почти как днем, только свет был холодный. Пиво кончилось, но уходить с террасы не хотелось. Спускаться к морю тоже. Разговор затих, и они просто смотрели в сторону горизонта.

Зеленые склоны казались почти черными. Море змеилось ночныхми огнями. В какой-то момент они заметили около Луны серебряные лезвия высоких облаков. Потом совсем низко и очень быстро начали проноситься косматые темные клочья, собираясь в пелену. Дунул резкий холодный ветер. Погода, что ли, меняется?

Неожиданно они услышали низкийibriющий звук, и затем как будто Земля вздохнула. Звук был необычный и отчего-то страшный. На мгновение показалось, что скалы задрожали и вот-вот обрушатся. Но показалось. Все замерло. И вдруг на низких тучах замелькали пятна света, пронеслись темные полосы. Услышали они дробную поступь скачущей массы, хрюпы и стоны, лязг железа, ржание лошадей.

«Прожекторы от дискотеки, музыка, рок?» – мелькнула у Евгения мысль, – «Нет, не похоже».

Шум нарастал. Со следующим порывом холодного ветра полосы на тучах сместились, и они увидели отчетливо тени скачущих всадников в броне и рогатых шлемах. Перед всадниками стелились в стремительном беге гончие псы ростом почти с лошадь. Охота взвилась, оглушила, ослепила на мгновенье и в этот же миг исчезла. Низкие тучи разбежались в разные стороны стремительно, за минуту. Остались только неподвижно облачные лезвия возле лунного диска. Сразу посветлело.

Литераторы не заметили, как вскочили, и стояли теперь, схватившись руками за перила.

– Все-таки дискотека, лазерное шоу? – растерянно произнес Евгений.

– По легенде, на Дикову охоту смотреть нельзя, – невпопад добавил Марк.

И как бы в ответ им возник быстро нарастающий рев. Новый звук был механический. Потом в свете луны, делающем пейзаж подобием театральной сцены, на изгибах трассы возник серебристый болид гоночного мотоцикла с крохотной прижавшейся к нему фигуркой. А сзади

летела стая грохочущих, сияющих никелем чопперов с квадратными седоками в черной коже, куртках-косухах, мотоциклетных очках и старых немецких касках.

Они вместе обтекли два крутых поворота, мелькая среди деревьев и крыш. Сквозь рев, показалось, слышны были крики и стрельба. Затем на самом крутом повороте, над обрывом, на входе в асфальтовую петлю со стаей что-то произошло. Первый из байкеров не вписался в трассу или не увидел на обочине темный силуэт грузовика. Послышался тяжелый удар, за ним еще. С визгом тормозов, колес, лязгом и грохотом врезалось в завал еще несколько и сразу там загорелось. И одновременно с этим литераторы увидели, как болид, будто не замечая поворота, прыгнул в пропасть, взлетел на фоне моря светлым силуэтом. Потом мотоцикл провалился вниз, а его седок оторвался от него и продолжил полет, раскинув руки. Руки превратились в острые туманные крылья, и полет продлился. Фигурка по плавной дуге обогнула скалу и исчезла за ней.

– Что это было? – выдохнули с ужасом Марк с Евгением и, не сговариваясь, бросились к трассе. Через десяток минут, запыхавшись, они выскочили из переулка на шоссе. Дальше шагом уже пошли в сторону аварии. Там стояли скорая и машина полиции, но оцепления еще не было. В свете луны и мигалок они увидели несколько разбитых оплавленных мотоциклов, отдельные языки пламени и темные силуэты полицейских. Осколенным выглядел развороченный угол дома. Рядом с ним громоздилась темная масса помятого бензовоза. Кучка любопытных перешептывалась недалеко. Они подошли к людям. Услышали обрывки разговоров. Кто-то говорил на русском. Местную речь – смысл тоже можно было понять.

– Байкеры чертобы… Эти псы Аннуина… Доигрались, наконец. Может, здесь их больше не будет теперь.

– Говорят, гнались за кем-то. Стрельбу слышали?

– Никто здесь не выжил. Говорят, девочка с матерью выглянули посмотреть… погибли… вот судьба. Они-то в чем виноваты?

– Отойдите, отойдите, – монотонно повторяли полицейские, но никто не отходил.

Евгений посмотрел на небо. Ни облаков, ни пятен света, и теней на них больше не было. – «Нельзя смотреть на Дикую охоту», – вспомнил он слова Марка. И в этот момент рядом взорвался бензовоз.

«Таксофоны постепенно исчезают, чтобы мы не могли большие
выбраться из матрицы».

Шутка в Интернете

Книга первая. Одинокий воин

Эпизод 1. Тин

Город. Предсон. Год 2011

10.05.2011 года.

Она любила смотреть на город сверху, из окон пятого или шестого этажа. Внизу глянцевое стадо машин, однообразная толпа, шум, и не вдохнуть глубоко от выхлопных газов. Тысячи лиц со стеклянными глазами, смеющимися или напряженными лицами. В руки суют рекламные флаеры. Когда смотришь сверху, суeta кажется забавной, и только. Она подчеркивает спокойствие нахождения «над». Самые многолюдные и шумные перекрестки при отдалении по вертикали не мешают размышлять или быть безмятежной. Оттого она обычно назначает встречи в кафе на крышах и выбирает для рабочего кабинета верхний этаж. Теперь высота – атрибут повседневности. Только вид с террасы своей квартиры отвлекает ее до сих пор.

Найти жилье с террасой в таком месте – редкая удача. Самый центр, мансардный этаж, и он выше соседних домов. Утром, отодвигая переливающуюся органзу – через нее сочится оранжевый свет – она видит скаты старых крыш, провалы дворов-колодцев, ряды труб, заросли антенн, и среди них и восходящих неизвестно откуда дымков и полотен пара – тусклые золотые купола соборов, острые шпили Адмиралтейства и Петропавловки, и совсем недалеко похожая на вершину горы громада Исаакиевского собора.

Петербург – мистический город. Его, кажется, невозможно любить: бесчувственность, дожди, вечно серое небо. Взгляды на улице равнодушны, жестяные плечи переулков уныло опущены, но итальянские дворцы на фоне северного неба завораживают, от этого города невозможно уехать совсем. Зимой он похож на сон. Зимой и в белые ночи.

Да, кстати о снах... Довольно странный сон случился сегодня под утро.

Она стоит на пороге залы какого-то старинного замка. Скорее всего, это первый этаж: тяжелые крестовые своды, грубая каменная кладка, мощные колонны. Такие замки строили госпитальеры в XII веке. В зале полумрак. Только один яркий дневной луч освещает постамент в центре и на нем внушительного размера старинную книгу.

Подходит ближе. Книга раскрыта. На первом ее пергаментном листе пером прорисован знак Уробороса. Змея, кусающая свой хвост, изображена странно пугающей: неуклюже начертанный образ рогатого чудовища с клювом и длинным, покрытым чешуей, телом больше похоже на дракона без лап. Ни подписи, ни заголовка. Круглый глаз смотрит на нее, как живой.

Как только она собирается перевернуть страницу, змей будто наливается плотью, приподнимается над листом и повисает в воздухе. Он отплывает к дальней, полностью затененной нише, и там заметна становится темная фигура человека. Это мужчина. Не рыцарь той эпохи, но современный человек, как будто даже в джинсах и футболке. Лица не разглядеть. Человек поднимает руку, и Уроборос, как браслет, надевается ему на запястье. Человек делает шаг навстречу. Сейчас видно будет его лицо.

И... тут она просыпается.

Из дневника. Незваная гостья

11.05.2011 года.

Бывает, иногда не связанные логически события соединяются в сюжет достаточно стройный и последовательный. Меня такие сюжеты настораживают. Это знак прикосновения силы.

Позвонил нежданно Саша Коц, малознакомый редактор газеты «Лечебные письма». Газетка забавная: о здоровье, для старичков. Но тираж, между прочим, полмиллиона экземпляров. Коц спросил о возможности взять интервью. Услышал от приятеля о моих тренингах и, как признался, решил «заткнуть дыру» в очередном номере: материала не хватало. Я согласился и рассказал об основах оздоровительного цикла, между прочим, описал пару приемов управления энергией. Интервью напечатали, а через пару недель с этой газеткой в руках объявилась женщина.

Сначала она, естественно, позвонила и представилась от Саши. Лично мы не встречались, но я о ней слышал: «Известный психолог, на консультации в очередь записываются, автор книжек на женскую тему». Женская тема нынче в моде. К тому прилагались сплетни, что она привлекательна, любит семью, но при этом часто заводит романы на стороне. Забавно, с учетом того, что ей как будто пятьдесят восемь. Впрочем, сплетни...

Она, можно сказать, прибежала, даже запыхалась немного, поднимаясь без лифта на пятый этаж. Невысокая, полная, с красивым лицом. Огромные синие глаза. Зря сказали возраст: все равно трудно поверить. Выглядит на сорок пять, не более.

Как только Татьяна Александровна преступила порог, я сразу увидел, что она не психолог. То есть она скорее всего квалифицированный психотерапевт, но с одного взгляда это не определить – нужно пообщаться. А вот состояние человека «читается» сразу. И если перевести увиденное на обычайский язык, ее можно было бы назвать экстрасенсом. Хотя нет, не точно. Экстрасенс – слабовато будет. Она – ведьма в лучшем смысле этого слова: потенциал в десятки раз выше среднего, все энергетические центры активны и уравновешены. Нормальная такая тетенька.

Татьяна Александровна на меня потратила минут пятнадцать. В статье ее, конечно, заинтересовали микродозировки. Есть такая техника управления энергией, когда используются очень слабые сигналы: чуть пальчиками пошевелил, несколько секунд на огонь посмотрел, а в теле и сознании происходят значительные изменения. Можно тяжелую болезнь вылечить, можно судьбу человека развернуть. В интервью я такого, конечно, не говорил, рассказал, как можно поправить здоровье с помощью двухминутного комплекса упражнений. Ей было достаточно, чтобы понять о чем речь.

И вот мне предлагается в институте Транскоучинга прочитать вводную лекцию и вести затем спецкурс по данной теме. Преамбула такая. Преподаватели института – между прочим, известные психологические зубры – увлеклись Кеном Уилбером: «Один вкус», «Краткая история всего». Где-то в его книгах вычитали о микродозировках. Кен Уилбер как будто микродозировки одобряет и очень советует использовать в практике. Татьяне Александровне попалась моя статья, и она приглашает меня в институт. Завтра можно встретиться с директором и обо всем договориться. Тут она стрельнула кокетливым синим глазом. Очень внятно излагает...

До чего же кучеряво все устроено в этом городе. Философ и известный американский гуру буддистского толка намекнул Петербургским коучам на метод, в котором он практически ничего не смыслит, и... народ проснулся и побежал учиться секретной магической технике. Я, конечно, стал отпираться: четыре года семинары не провожу, занимаюсь исключительно архитектурой и поэзией. Но она меня все-таки пригласила с директором на дружескую встречу. Не поверила, что я – утомленный творчеством художник. И правильно сделала. Ну, так же, как я не поверил, что все дело в Кене Уилбере, и что слушать меня будут студенты.

Перед уходом, в прихожей, старательно не попадая в рукав – я, как истинный джентльмен, плащ подал – она подбросила еще одну тему.

– Знаете, конечно, по последним научным данным мужская популяция вымирает. Маскулинные качества ослабевают: ранняя смертность, потеря значительных фрагментов мужского

гена и так далее... – уже в плаще, продолжила. – Очень актуально сейчас сделать «Мужской клуб». Но не такой, каким обычно его представляют: гламур, экстрем, девочки. То есть мужская и женская энергия: это обязательно. С этим, как понимаете (многозначительный взгляд), толком никто не работает. Но, прежде всего, нужен смысл. Мне кажется, хорошо бы сделать особенный отряд, по духу спецназовский, тайный, и специально для подвигов.

Так и сказала: «для подвигов».

– Вам как тренеру-психологу: по силам, а то пристаиваете с вашими возможностями, – еще раз кокетливо глазом стрельнула и ушла.

Да, кисло улыбнулся я закрывшейся двери, интересное было бы предложение, если бы я действительно работал психологом.

С этого все и началось.

Сон. Странная река

12.05.2011 года.

Она плыла по реке. Стоя, в лодке без весел. Стеклянная неподвижная вода. Течение незаметное все-таки было: лодка плавно скользила, как во сне. «Как во сне» – улыбнулась лукаво. Обнаженная полностью. Кожу гладил еле заметный ветерок почти чувственно, любовно. От этого было хорошо, и одновременно тревожила застылая неподвижность пейзажа, безжизненность, безлюдность. Птиц не слышно. Облака остановились ватные в глянцевом синем небе. Тишина. Без стрекотания насекомых. Без плеска воды. Трава на берегу, как причесанная гребенкой, и кустарник...

Захотелось пить. Наклонилась зачерпнуть ладонью. Вода не зачерпнулось: лишь видимость водных струй – пустота. А вместо собственного ее отражения – в реке мужское лицо. Лицо тонкое, глаза черные, тревожные...

Она попыталась изменить пейзаж, как привыкла делать в сновиденьях: осознала с досадой – не получается; вместо обычной радости, легкости волшебства мелькнуло беспокойство. Затем каплей ужаса бухнуло сердце: а вдруг это не сон. Попыталось все же из сновиденья вынырнуть и вдруг почувствовала: держат глаза, острые, как иглы – не отвернуться, не вздохнуть. Плещется в них сила и сияющая черная пустота. Рванулась уже изо всей мочи, преодолевая непомерную тяжесть, ужас и удушье. И вырвалась, наконец, в последний момент. ... Проснулась.

Комната в полумраке неплотных штор. За окном, не громко, привычный шум машин. На часах 9:30. Мелькнула автоматическая мысль: пора варить кофе и собираться на работу...

Волна напряжения из сна дрогнула, ударом в спину посадила тело. Рванулся судорожный вдох, как у тонущего, который вынырнул в последний момент. Поплыли радуги перед глазами, мелькнул на мгновение в них тот взгляд: сила, сияющая черная пустота.

Уф! Ничего себе, приснилось... Встала с ощущением изнеможения. Как будто весь день до ночи тяжести таскала. И побрела в ванну и кофе готовить. Потащилась... чуть живая.

Из дневника. Виргиния Николаевна

12.05.2011 года.

Директора института я чем-то напугал. Виргиния Николаевна – женщина очень милая, лет тридцати. Меня увидела, вздрогнула даже. Общалась очень напряженно и формально. Я мысленно примерил на нее военную форму в отместку. Впрочем, форма ей тоже была бы к лицу.

Мы обсуждали Кена Уилбера, а я украдкой любовался. В ее движениях сквозила, прорисовывалась редкая гармоничность линии. Та, что вызывает одновременно эстетический и чувственный интерес, как картина или скульптура, выполненная рукой мастера. При этом, ни толики гламура, искусственности, голливудских поз – чистая женственность. Не всякий сегодня оценит, но для меня нечто сногшибательное. По сути, дело не в формах: сильный открытый поток женской энергии. Да, это «Ж-ж-ж» – неспроста. Не зря Татьяна Александровна подмигивала шкодным глазом.

С другой стороны сейчас собеседница напоминала мне стакан в подстаканнике. Если стакан с чаем – женская энергия, то подстаканник, жесткая металлическая оболочка – это социальные ожидания. Нравственность, карьера, деньги, правильные манеры и прочая чепуха. Такие дамочки могут засушить себя полностью, имеют хорошие шансы на несчастную личную жизнь. Может быть, как раз такой случай. Впрочем, подобная скованность в сочетании с освобожденной силой иногда производит особое впечатление.

Пожалуй, я слишком увлекся исследованием очаровательного директора. Но, будучи не совсем рефлекторным существом, одновременно с созерцанием вел вполне разумные рациональные переговоры о формате учебного курса для студентов. Впрочем, мы ни до чего не договорились. После двадцатиминутной светской беседы обменялись визитками, обещаниями, если что-то сложится, созвониться, и затем расстались.

На улице вспомнил ее испуг в первое мгновение встречи и подумал: что-то я в ней все-таки не разглядел. Что-то важное не увидел, а это само по себе уже загадка!

Институт

12.05.2011 года.

Ванна. Макияж. Завтрак. Она так и не восстановила душевые силы после кошмарного сна. Чувствовала усталость, даже какую-то дрожь в теле. Дорога на работу. Пробки. День начинался обычно. Блестящий и уютный бордовый Пежо 308 принял, как старый друг. Во время остановок она прикрывала глаза и как бы задремывала на мгновение. Механическая жизнь большого города захватывала ее своим обыденным ритмом. Сегодня успокаивало то, что обычно раздражает: суетолока машин, бесполковость пешеходов, серые плоскости домов и неба. Она поняла, что цепляется за привычное в надежде защититься от того взгляда из сна, как будто он все еще не отпускал ее. «Все хорошо», – сказала она себе и улыбнулась, подъезжая к офису. Начинался рабочий день. Письма. Несколько звонков. На двенадцать назначена незначительная деловая встреча.

В холле на стульях пара студентов с гаджетами ждут зама. В приемной невыспавшийся курьер. Секретарша Людочка заходит в кабинет со списками новых групп. В 11.00, «шествуя важно», появляется пафосный трансперсональщик Григорянц с авторской программой и сладкой улыбкой. Затем суровый и аутичный Бородкевич с вечными претензиями к коллегам и расписанию: психологам часто самим лечиться надо. Заглянул улыбчивый Букин, похожий на домашнего медведя, принес экземпляр своей новой книги с дарственной подписью. Пять минут поговорили: и мил, и точен, и не крут – настоящий профи, и человек тоже...

Без минуты двенадцать она выглянула из кабинета и увидела входившего в холл мужчину. Среднего роста, худощавый. Яркий солнечный свет падал из-за его спины. Виден был только темный контур его фигуры. Лицо совершенно неразличимо.

Он шагнул навстречу и в тень одновременно, и она разглядела тонкое лицо (напоминает какого-то актера) и глаза... которые видела сегодня во сне. Сияющая черная сила, пустота смяла все ее существо, замуровала в неподъемную тяжесть, и через мгновение отпустила. Она будто вновь вынырнула из сна. Он стоял рядом, смотрел совершенно обычно и выговаривал стандартные фразы знакомства.

Она почувствовала себя нелепо, подавила в себе приступ паники и пригласила в кабинет. Походкой деревянной куклы на шарнирах прошла вслед.

Тин Полянский был мил в общении и не навязчив. Точно удерживался на грани делового и неформального тона. С такими приятно иметь дело, приятно пококетничать чуть-чуть. Но сейчас невнятный холодный шепоток страха расползлся по закоулкам, казалось... тела, заставляя общаться предельно сухо. Впрочем, ощущалось: опасности нет, достоверно нет. В какой-то момент она успокоилась. Тин ей даже понравился. Вспомнила, на кого он показался похож. Как будто на известного аргентинского футболиста (Хи-хикс Букина по поводу ее интереса к футболу), а глаза, как у героев фильмов Джармуша – темные, тревожные. Передернула плечами.

Не будь того сна, он вызвал бы доверие и симпатию. Она даже, хотела спросить о сне в какой-то момент, но не решилась. Через двадцать минут он ушел. Взгляд его ни разу более не плеснул этой безумной пустотой, даже в момент прощания. Ну и славу Богу!

Разгром

Суматра. Паданг. 12.02.2007 года.

Свет попадает в комнату через приоткрытую дверь и маленькое пыльное окно с сеткой вместо стекла. Кроме того, полумрак пронизывают шнуры света из ряда маленьких круглых отверстий в стене. Следы от пуль, автоматная очередь... Почти картонные стены.

Комнаты... центр связи разгромлен, лаборатория тоже. Разбитые стеллажи, сломанные стулья. На полу слой бумаг, осколки стекла, экранов. Столы на месте и целы, на них искореженные мониторы, системные блоки. Принтер тихонько подвывает, скрипит и мигает красном глазком, пытаясь что-то распечатать.

Артем лежит на спине, разбросав руки, будто его сшибла океанская волна, подстерегла в стремительном движении. Глаза открыты, остекленели, лицо искажено. Белая рубашка справа набухла кровью. Аккуратное маленькое отверстие посреди лба.

– Его добили, стреляли почти в упор, – отчего-то вслух сказал, будто наговаривая для диктофона. Собственный голос был чужим и охрипшим.

Посреди комнаты головой к Артему ничком лежит Ольга, вытянувшись и продолжая тянуть к нему руку. Копна волос полностью закрывает лицо. Темное пятно на блузке между лопаток.

Они все ходили в белом из-за жары. Здесь все ходят в белом.

Охота неожиданно закончилась два часа назад, и он сразу понял, что произошло. Бросился сюда, зная, что ничего уже нельзя изменить. Их было четверо... И то, что Николаса и Акселя здесь нет, означает только то, что они погибли где-то в другом месте и при других обстоятельствах.

Дом стоит в конце глухого переулка, на окраине. Он окружен садом. Багровая пена бугенвиллий, фарфоровые чашечки плюмерий, заросли бамбука и несколько пальм. Сад – большая редкость в этом городе, доступная только богатым людям. В основном, здесь живут иначе. Многокилометровые улицы с непрерывными рядами домов, будто построенных из картонных коробок. Поток мотороллеров и велорикш, облезлые пальмы, лотки с фруктами. Роение местных жителей, похожих на кузнецов, сухоньких, улыбчивых и темнокожих.

...Этот город, похожий на нескончаемую деревню почти в миллион жителей, через неделю должен был проглотить океан, смести гигантской волной вместе с толпами веселых аборигенов и туристов. Теперь этого не произойдет. И что же? Его друзья мертвые.

Утрамбованную пыль переулка подметают, раскачиваясь, тени пальм. В такие минуты чувства в нем умирают, и он начинает действовать, как автомат, стремительно и безошибочно.

Но внутри, глубоко – тошнотворный ком. Теперь он пойдет по следу убийц и пропавших товарищей. Уже идет.

Из дневника. Материализация

15.05.2011 года.

Сегодня сразу после пробуждения, в утреннем полумраке, у окна, рядом со шторой почудилась фигура, похожая на серую тень. Она была будто в капюшоне, стояла тихо и покойно, совершенно неподвижно. И будто тьмой из-под капюшона разглядывала меня. Без любопытства. «Так мясник разглядывает коровью тушу, примериваясь, как ее лучше разделать», – мелькнула странная ассоциация.

Не было ни капли беспокойства, только время стекло по стенам ровными волнами. Никогда так не видел время. Фигура была беспристрастна. Она равнодушно начала поворачивать голову в мою сторону.

– ЭТО СМЕРТЬ, – сказал со стороны беззвучный голос, и тонкая женская рука, похожая на луч солнца, повернутая ладонью вперед, заслонила меня. Равнодушная фигура мгновенно растворилась в тени, и через минуту мне показалось, что это был отрывок предрассветного сна.

В ожидании кофе развлекаюсь с дневником. Сижу в «Кофе Хаусе» у огромного, в два этажа арочного окна с видом на канал и боковой фасад Казанского собора. Дневник – моя относительно новая привычка. Он помогает мне еще и еще раз прокручивать события, в попытке осознать не очевидные закономерности происходящего. Я занимаюсь этим постоянно последние шесть лет. Ищу ответ на один и тот же мучительный вопрос.

Да, на чем остановился? Ко мне заглянула, необычная дама – «психолог». Предложила сходить в институт Транскоучинга, и создать мужской клуб, и затем исчезла, возможно, навсегда. Я зачем-то на встречу пошел, познакомился с очаровательным директором. Дальше... ничего не произошло. Две удивительные женщины и никаких событий. Да, институт-то одно название. Естественно, не государственный. Естественно, не большой. Просто коммерческая фирма по дополнительному образованию. Правда известная и престижная. Но не более того. Понятно, почему директор такой молодой, и ... презентабельный.

Виргиния Николаевна... В памяти невольно прорисовался ее образ. Задним числом, она показалась еще привлекательней, чем при встрече. Отчетливо представил ее рыжеватые волосы: они падали на плечи, изгиб шеи, стройную фигуру в простом черном платье. Тонкие длинные руки. Чуть приоткрытые губы и глубокие тревожно глядящие глаза... Увлекся, увлекся. Пиши дневник! Я любовался мысленным портретом еще некоторое время, затем вернулся на грешную землю, точнее за столик кафе.

За окном течет, торопливая толпа, толкучка на узком тротуаре. Я вспоминаю Виргинию Николаевну и вижу не только Казанский собор – по тротуару мимо окна проходит она, очаровательный директор института, в узком черном платье, с огромными висячими серьгами в ушах, поворачивает голову, смотрит на меня сквозь упавшую на лицо рыжеватую прядь фантастическими вишневыми глазами. И глаза эти слегка расширяются от изумления.

Сон. Прибрежный песок

15.05.2011 года.

Последующая пара дней выдалась нарочито обыденной: семинары, совещания с преподавателями, хозяйствственные дела, деловые встречи. Отчет...

Особо будничными они казались потому, что где-то на задворках сознания еле заметно, но непрерывно проскальзывали образы страшного сна и человека, который из этого сна пришел к ней на встречу. Сам Тин Полянский, несомненно, был симпатичен. Но едва ли этого хватило,

чтобы она помнила о встрече двое суток. Тот ужас, который пробудил его взгляд, не ушел до конца. Он поселился где-то глубоко внутри еле заметным, но ощутимым спазмом. Страх не позволял ей более быть полностью свободной, и чувствовать себя в безопасности. И с этим надо было что-то делать. Пока этим «что-то» было постоянное вспоминание сна и встречи. Впрочем, без выводов и результатов.

Видимо, вследствие навязчивых этих мыслей в ночь со второго на третий день она вновь «проснулась» в знакомом сне.

Она вновь плыла по реке в узкой лодке без весел. Вода отливалась той же стеклянной неподвижностью, но течение было заметнее. Обнажена, волосы развеваются, как на ветру. Но ветра нет. В воздухе разлита тревога столь пронзительная, что хочется зажать уши, как от невыносимого воя. А пейзаж так же хорош, ярок и безмятежен. Голубые небеса, белые облака. Но ничего живого не видно и не слышно. На отчетливый зов жажды она не откликнулась, зная эту ловушку. Продолжала стоять неподвижно, в то время как лодка вовлекалась в плавный изгиб русла.

Из-за поворота начинают выплывать песчаные косы и отмели. Они призрачно красивы, сияют бледными радугами в дрожащем, как от жары, воздухе. За радугами встают изумрудные заросли ракит. Песок почти белый. Вода над отмелами отливает сердоликом и играет золотыми солнечными сетями под водой на волнистом песке. Она замирает от осозаемости такой красоты. Вид сказочного берега на мгновение гасит чувство тревоги.

Но прибрежный песок вдруг взрывается сотнями песчаных вихрей. Из вихрей этих слепляются, как поганки белые телом, страшные безглазые, существа, с одними только дырявыми ртами. Их длинные руки без суставов имеют чуткие ладони. Ладони эти уже приметили лодку и тянутся к ней. А лодка как раз причаливает к берегу. Она хочет оттолкнуть ее от пляжа, но тело не подчиняется мысленному приказу. Ужас холодный и липкий наплывает волной вместе с приближением «поганок». Гибель неминуема.

Вдруг из-под воды, с середины реки, подобно ракете, раскидывая золотые струи, вырывается человеческая фигура. Она паническим взглядом узнает давешнего знакомого. Это он. Так странно, в обычных джинсах и футболке, босиком. Но глаза его страшны как никогда. Из них вырывается сияющая черная бездна, и затем ослепляющее белые, как нестерпимый огонь сварки, копья начинают бить в толпу «поганок». Отвратительные твари плавятся и взрываются с черным душным дымом. Он стоит босиком, опираясь на воздух, как на твердую землю. Ярость его огня нарастает, а протуберанцы плазмы бьют из глаз и ладоней, из груди. Он становится похож на косматое солнце. Мощь его необорима. Она сметает отвратительные толпы. Однако новые и новые сотни рождаются из песчаных вихрей, и конца этому не видно.

Она знает уже, что он пришел защитить ее. Но знает и то, что как бы ни велика была его мощь, поражение неизбежно, так как число этих тварей бесконечно. Надежда, возвратившаяся было, гаснет. Она напрягает все свои силы, чтобы освободить неподвижное тело, и вдруг вспоминает, что все происходит во сне. Забыла ведь в какой-то момент!

Сон такой очень опасен. Из него можно и не вернуться живым. Но это сон, а значит, есть спасенье. Надо только проснуться и вытолкнуть из сна этого странного одинокого воина. Усилие неимоверно, но знакомо. Воля надрывается буквально до вопля и судороги. Но она вырывается из оков неподвижности и сна. Успевает как бы руками вытолкнуть своего защитника в реальный мир. Спасены.

Встреча в кафе
15.05.2011 года.

Собственно, ничего удивительного в этой встрече нет. Для человека с высшим магическим образованием тем более. Сила резонанса создает поток событий – сила взаимного притяжения, настройки на одну волну. Своими мыслями и чувствами мы посыпаем сигналы в бесконечные просторы Вселенной, и на них откликаются те, кто находятся на той же частоте.

Эту мысль Тин записал позднее в своем дневнике.

Через стекло, обезоруживающее открытым жестом Тин пригласил Виргинию за столик, и сейчас они сидели напротив, исподтишка изучая скорее друг друга, чем меню. Впрочем, неловкой паузы не было.

– Вот, настоящая материализация! Я о вас вспоминал только что, – шутливо бросил Тин, – и вы тотчас появились.

– Вы меня вспоминали? – Виргиния приподняла бровь, будто удивляясь. Она автоматически входила в роль холодноватой светской львицы. – По какому поводу… микродозировок? – царапнула она женским коготком.

– Ну, что вы, какие микродозировки. Тут настоящие макродозировки. Можно сказать, с утра до вечера вспоминал, – соврал Тин… – Не встречал в жизни более очаровательного директора института, поверите?

Грубая лесть в таких ситуациях всегда уместна. И даже умной женщине прямолинейный выпад не отразить. Она смутилась на удивление мило.

– А вы верите в материализацию? – тут же спросила она.

– Можно сказать, верю. Правда, словечко это из жаргона психологов обозначает только тот факт, что воспоминания о человеке и его появление в тот же момент часто совпадают. Вот, в разговоре обсуждали приятеля, и он сразу позвонил. Никакой мистики, – Тин улыбнулся, разводя руками.

– А Вы не похожи на психолога, – в ответ заметила Вирга. – В вас есть что-то спецназовое. Вы бывали в горячих точках? С учетом образования и манер, можно было бы предположить в вас шпиона.

– Вы на редкость наблюдательны, Виргиния Николаевна. Я, конечно, не шпион, но увлекался боевыми искусствами, экстримом, люблю путешествовать. Во всяких местах бывал, в том числе и в неспокойных. Еще я «вольный стрелок», никогда в трудовых коллективах не работаю. Все больше один. Из-за этого может быть «шпион»?

– Может, может… А может… Э и нет, – усмехнулась легкости его тона Вирга.

– Вы тоже на директора не очень похожи.

– На кого же тогда?

– Модель, актриса… – Шучу, шучу, – замахал руками Тин, заметив, что она поморщилась. – Директорство для вас, мне кажется, занятие слишком скучное. Вы другого полета птица… именно полета… не на гнезде вам сидеть.

Она посмотрела на него украдкой, уже настороженно.

Во время небольшой паузы Тин успел подумать, что в этот момент Виргиния Николаевна должна бы вынуть из сумочки пачку и многозначительно закурить тонкую сигарету, как делается обычно, и был искренне ей благодарен, что обошлось без подобного жеста. Тут же он паузу и разрушил, – Встречаются два психолога. Хорошо, что оба не настоящие.

От неожиданности Виргиния рассмеялась.

– Почему это психологи не настоящие? – спросила она.

– Потому что настоящие живут только мозгами, а мы с вами – нет.

– А мы, значит, без мозгов? – чего-то она ему все-таки не простила.

Тон ее был насмешливым, и Тину стало неловко. От этой неловкости, вероятно, он безоглядно бросился в атаку.

– Среднестатистические психологи оперируют логикой, живут только в ментале. А мы с вами другие: у нас энергия двигается, чувства оживленны, и интуиция работает. Мы ищем не объяснений, а переживаний. Мы находим не постулаты, а откровения. Для решения задач используем не мышление, а приключения фантастически интересные и не безопасные. Мы с вами, Виргиния Николаевна – мистики, а может быть, даже маги. ...Вот такие пирожки... – добавил Тин, чтобы перевести дух и снизить неожиданный для него самого и, как казалось, избыточный пафос своего выступления. Но Виргинии пафоса, похоже, было в самый раз. Она заинтересовалась сказанным, отбросила роль светской львицы, вообще перестала играть и от этого еще удивительно похорошела.

– Откуда вы это знаете? – немедленно спросила она.

– Просто вижу, – ответил он без малейшей рисовки.

– А видите ли вы так во сне? Видели что-нибудь особенное во сне сегодня ночью?

Вопрос был неожиданным, и Тин собирался ответить, что сны не самая сильная его сторона. Но в этот момент яркий солнечный луч пробился сквозь пыльное весеннее стекло и ударили Виргинии в глаза. Она невольно заслонилась рукой от яркого света.

Тонкая женская рука, сама похожая на луч солнца, повернутая ладонью вперед, заслонила ослепляющий свет, и Тин узнал эту руку. С яркостью, подобной вспышке, он вспомнил, как сегодня утром эта рука защитила его от смерти.

Из дневника. Человек системы

06.04.2005 год.

Не сразу нашел его. Мы не виделись несколько лет. Относились друг к другу с симпатией, но повода встретиться не было. Познакомились в 2002 году. Сначала отдыхали вместе на Гран Канария и сошлись на серфинге и кайтах, на поездках в горные леса. Затем в разговоре показались друг другу интересны. Узнали ту спокойную манеру говорить и действовать, принимать взвешенные решения, которая свойственна людям, бывавшим в серьезных переделках. Приятно чувствовать за словами собеседника силу и опыт. Слова не кажутся пустыми.

Потом выяснилось, что для него это был не совсем отпуск, и сначала я, потом он, по очереди, мы выручили друг друга в довольно сложных ситуациях. Карты были открыты хотя бы частично. Он оказался полковником ГРУ. Я как смог описал свой жизненный сценарий. Это вылилось во взаимное уважение и канал для экстремальной связи. Ни я, ни, тем более, он, не должны были раскрываться, но мы это сделали. Человеческие отношения не менее важны, чем работа, даже такая.

Теперь мне нужна была консультация, которую мог дать только он. У меня был ответ на вопрос, который я собирался задать, но ответ этот носил интуитивный характер. Я же хотел объективности, подтверждения своих предположений или наоборот – их критики, то есть экспернского мнения и, может быть, в кои веки, совета.

Он действительно был рад увидеться. Мы встретились в просторном кафе на Большом проспекте Петроградской стороны. Он занял столик в углу, и я отметил невольно, что отсюда великолепно просматривается весь зал и через огромные окна значительная часть улицы.

Ему лет сорок пять, высокий и худощавый, похож на бывшего спортсмена, сохранившего форму. Легкая седина в коротко стриженых волосах, слегка ироничная улыбка, жесткий взгляд, и, как ни странно, в уголках губ и глаз прячется улыбка. Мягкие, точные движения. Обаятелен невероятно. Манерами и выражением лица порой напоминает Бельмондо в фильме «Великолепный». Только носит иногда очки с чуть тонированными стеклами.

Когда я изложил свой вопрос, он долго молчал. Затем улыбнулся обаятельной суперменской улыбкой.

– Вы же сами понимаете, как это звучит… бредово, особенно для официальных лиц и военных. – Он всегда был очень корректен и обращался к собеседнику на «вы», даже когда дрался или убивал…

– Что касается системы. Сама тема им, что называется, по барабану. Но возможность предсказания таких событий и особенно механизм управления ими. Понимаете, это возможность. Точнее так – ВОЗМОЖНОСТЬ… Даже если с позиции современной научной картины мира это бред, для них это большой куш, притом без существенных вложений и риска. Они на это пойдут.

Их интересуют любые возможности воздействия и управления. Тем более такого масштаба. Даже если ваш рассказ будет похож на сказочку, пойдут на исследования, мониторинг, создание специального подразделения. Однако надо понимать последствия. Если ничего не произойдет, тему просто закроют. При получении результата… сейчас сразу трудно представить, но уверен, что последующие действия будут связаны не только с… гуманными соображениями. При любом развитии событий «засветиться» на таком уровне – большая проблема лично для вас.

Во-первых, из системы не сможете выйти никогда. Не уверен, что это хорошая перспектива. Во-вторых, сразу или впоследствии: живым вам из этой ситуации точно не выпутаться… независимо от успеха или провала проекта.

Мой совет?.. Попробуйте решить вопрос самостоятельно. Не представляю, как. Насколько, могу судить, у вас есть определенные инструменты, которые позволяют это сделать. Но это уже за пределами моей компетенции. Не светитесь ни в коем случае. Хотя маловероятно, что получится остаться незамеченным. Лично на мою поддержку в случае возникновения проблем вы можете рассчитывать.

– Спасибо, Олег. Вы мне очень помогли. Приблизительно так я и представлял ситуацию.

После встречи

16.05.2011 года.

«Он ничего не сказал о силе». – Виргиния сидела у себя на кухне у стола. За окном густой темно-синий вечер, желтые окна домов, золотистые черточки фар и красные точки габаритов внизу на проспекте. Еле слышен шум вечернего города.

С самого начала неожиданной встречи, со взгляда сквозь витрину кафе, его глаза (та безумная пустота) не потревожили ее ни разу. Не в этом дело. Он давно не страшен. Он спас ее, вступил в неравный смертельный бой. И она затем спасла его. Своего рода взаимность.

Об опасности и спасении она думала совершенно искренне, ни капли не сомневаясь в реальности происшедших событий. Она – настоящая сновидящая – знает истинную цену тому, что в таком сне происходит. Смущает только дистанция между реальностью обыденности и сна. Как будто две параллельных жизни и два несравнимых плана отношений. И от этого какой-то разрыв в чувствах, мыслях, какая-то неловкость. Светская болтовня в кафе, и такой… накал чувств, такая самоотверженность, все на грани жизни и смерти… Он ведь даже и не помнит ничего.

Та бойня жуткая, грандиозная, казалось, была для него неслучайной. Скорее она там стала неожиданной гостей. И что за сила в нем нечеловеческая? И зачем эта битва? Он ведь так и не сказал о себе ни слова. Немного помолчали и продолжили болтать о пустяках, будто ничего не происходило. Ей, правда, было легко и хорошо с ним, как давно не было. И одновременно грызла неудовлетворенность оттого, что образовавшаяся на мгновение особая струна, иная связь то ли спряталась, то ли оборвалась.

На следующий день они гуляли вдоль каналов, выбирая тихие, без машин и людей закоулки. Любовались черными с блеском волнами, прогулочными катерами. Оттого, что нагулялись, а расставаться не хотелось, Вирга предложила зайти в гости к одному старому знакомому. Сказала: – Он здесь живет рядом.

И еще была причина. Этот дом: место, куда всегда можно прийти, спрятаться от усталости и проблем. Здесь можно говорить без масок и не о пустяках. Здесь глянец не котировался, а банальность воспринималась почти как хамство. «Мало осталось подобных мест в этом городе», – порой думала она с ностальгическим и одновременно теплым чувством.

«Меня интересует штучный товар», – поговаривал часто хозяин дома. Имелась в виду уникальность человека, книги, слова, картины или поступка. Ничего стандартного – Анти-Макдональдс. По этому принципу подобрался и круг друзей.

Ей хотелось проверить Тина… что ли. Посмотреть, как он проявится рядом с ними. Это своего рода рентген, здесь не спрячешься за общие фразы и значительное выражение лица. А в нем столько загадок, просто облако тайны и недосказанности. Не то чтобы проверка на вшивость, в истинности и внутренней силе Тина она не сомневалась. Просто хотела понять, какой он.

– Знаете, у меня есть друг… Аркадий, биолог, известный ученый. Он удивительный человек, и у него дома очень хорошо. Хотите, зайдем к нему в гости? – и, не дождавшись ответа, заторопилась объяснить, – О нем легенды по городу ходят. Некоторые считают, что у него тайное и очень высокое буддистское посвящение. Это чушь, конечно, он ученый, профессор; просто очень скромный человек и ясно мыслит. Сейчас редкость и то, и другое. Он людей не оценивает вообще. Знаете, не объяснить. Я лучше, как пример, историю расскажу.

Тин улыбался, кивнул молча.

Она продолжила: – Была несколько лет назад паника по поводу аварии в Сосновом бору. Написали в Интернете, в новостях нечто невразумительное сказали. В общем, потом не подтвердилось. Но началось безумие. Я у подруги, Ани, в гостях сидела. Она, кстати, тогда была аспиранткой у Аркадия. И вот к ней прибегает соседка. Глаза белые, губы дрожат: «Ты знаешь, мне сказали, что в Сосновом бору на АЭС был радиоактивный выброс! Надо что-то делать, йод пить, уезжать в деревню, продукты закупать…»

Аня начинает метаться по квартире: «Надо что-то делать! Быстро в аптеку за йодом. Продукты… Бабушке звони… Расписание поездов…» В течение нескольких минут из комнаты в комнату бегает вся семья. «Надо Аркадию позвонить, он подскажет что делать!» – вдруг додумывается она.

Звонит: «Аркадий, мне сказали, что в Сосновом бору был радиоактивный выброс. Что делать? Йод пить?»

Аркадий после секундной паузы говорит мягким, спокойным голосом: «Анечка, ну вы же понимаете: во-первых, душа бессмертна, а во-вторых, если что-то пить, то валерьянку…»

Тин смеется: – Да, конечно, Вирджи, давайте к нему зайдем.

Анти-Макдональдс

16.05.2011 года.

Дом выходил фасадом на набережную. Подворотня с колоннами, и во дворе отдельный вход с чугунной лестницей на второй этаж. Необычный вход, необычная квартира. И дверь не заперта. Из прихожей видна очень просторная комната в два окна: старинная мебель, в центре раздвижной овальный стол человек на двенадцать, над ним оранжевый абажур, как в послевоенные годы. Далее за отгородкой из стеллажей кухня и коридор с дверями. Вирга знала, что за ними: спальня и кабинет.

Когда они вошли, хозяин, стоя вполоборота к плите, варил кофе и обсуждал что-то с двумя гостями, расположившимися напротив у стола.

– А, Вирджи, здравствуйте, здравствуйте, проходите. Кофе сейчас будет готов.

Небольшая пауза, специально для того, чтобы она представила нового человека.

– Это Тин... Аркадий – знакомьтесь!

Они взяли чашки и сели к столу, а собеседники вернулись к прерванному разговору. Тин и Вирга пили ароматный кофе, тихо приговаривались между собой и одновременно прислушивались.

Рассказывал невероятно лохматый, неуклюжий в движениях и одежде мужчина, похожий на сорокалетнего мальчика. С виду художник или поэт. Он говорил взволнованно, увлеченно, но часто сбивался, искал нужное слово. Речь шла о том, что некто ужасный Кауфман приехал со своим небольшим театром из Германии и представил спектакль по стихам и эссе Бродского. Ожидалось, что будет интересно.

– Собрались все... ну, понятно... – рассказывал лохматый. – Но спектакль был так плох... Представляете, Кауфман подходит к рампе и со словами «Вот выходит гражданин, достающий из штанов» вытаскивает из ширинки российский паспорт. Это же до мерзости примитивно, прямолинейно, пошло. Театральный режиссер С. встает из первого ряда и демонстративно выходит из зала. Я досидел до конца. Мне критик Р. говорит: «Хотите за кулисы пойдем, я вас с Кауфманом познакомлю?» Отвечаю: «Не стоит, мне кажется труппа не совсем, то есть совсем не профессиональная. А Вам как?» Р. возмущается: «Это просто катастрофа!»

Аркадий слушал внимательно, не вмешиваясь в сбивчивый монолог, смотрел спокойным, чуть насмешливым взглядом. Как будто рассматривал мелкую букашку под микроскопом, но очень доброжелательно, не желая чем-то ей повредить. Лохматый устал от повторно пережитого разочарования и пошел на кухню перевести дух и сварить еще кофе.

Вирга воспользовалась моментом, спросила:

– Как дела, Аркадий, как работа?

– Вы знаете, Вирджи, забавно. У меня кроме основной темы получилось боковое ответвление. Сами как-то накопились наблюдения, и написал статью. Выводы не то чтобы противоречат, скорее дополняют Дарвиновскую теорию эволюции...

Вирджи осторожно оглянулась на Тина: как ему? Поразилась, как внимательно он слушал.

Видно было, что Аркадий увлекся.

– И вот еще мы тут с товарищами, – он сделал широкий жест в сторону стола, – помните, рассуждали о «Черном лебеде» Нассима Талеба. Ах да, вас не было! Тема его книги: влияние случайных событий большой силы на жизнь человека. И вы знаете, я вдруг в эксперименте на божьих коровках обнаруживаю...

Черный лебедь

16.05.2011 года.

– С точки зрения Талеба, наибольшее влияние на нашу жизнь оказывают случайные события большой силы, – продолжал Аркадий через некоторое время. – Человек не способен их предвидеть и, таким образом, в значительной степени беззащитен перед реальностью. Талеб приводит в пример кризис 2008 года. Его не предсказал ни один биржевой аналитик. Далее: теракт 11 сентября. Эта катастрофа оказалась совершенно неожиданной. И оба эти события изменили мир.

Одна из основных идей книги: бесполезно опираться на известный опыт, планируя будущее. Здесь очень хорош его пример с индюшкой благодарения. В Америке есть традиция подавать в День благодарения к столу блюдо из индюшки: их специально для этого выращивают.

Представьте ситуацию с точки зрения индюшки. Ее тысячу дней кормят, за ней ухаживают. И она на основании предыдущего опыта точно знает, что завтра ее накормят и обслужат. Но наступает тысяча первый день, и ей совершенно неожиданно отрубают голову. Ничто этого не предвещало, опять же, исходя из известного ей опыта. Таким образом, Талеб показывает, что известный опыт нам ничего не говорит о будущем.

В этот момент, даже чуть раньше, при упоминании Черного лебедя, показалось, что часть обстановки вдруг шевельнулась, и они заметили еще одного гостя. Прежде его как будто не было. Точнее, присутствовала в ситуации знакомства нейтральная фигура, которая в ответ на приветствие кивнула головой, а потом растворилась среди мебели. Впечатление такое возникло оттого, что сидел мужчина совершенно неподвижно и, возможно, не слушал. Театр был ему не интересен. Смотрел одним глазом в крохотный ультра бук и изредка поигрывал один-два аккорда на клавиатуре.

Но тут он оживился и как бы сразу появился за столом. Он был высок и худ, коротко стрижен, резкие черты лица, серый холодный внимательный взгляд. Голос, когда заговорил, оказался тихим, но четким.

Новый собеседник сразу вступил в разговор, довольно бесцеремонно:

– В этом примере интересно и другое. Есть иная относительно индюшки позиция. К примеру, фермера. С его точки зрения совершенно очевидно, что произойдет на тысячу первый день. Непредсказуемость события в значительной степени зависит от того, кто ты: индюшка или фермер, зависит от уровня восприятия реальности.

– Дмитрий талантливый программист, изобретатель. Но его все называют Нео, – шепотом на ухо Тину подсказала Вирга. – Он пытается доказать, что мы живем в Матрице, и еще ищет мистические силы в Интернете.

Тин молча кивнул.

– Это действительно интересно, – откликнулся он на реплику Нео. – И что же может сделать человека «фермером»?

– «Фермер», – человек, который осознает настоящее и предвидит будущее.

– Нео, вы так говорите, будто предвиденье легкое дело, – заметил Тин, удивляясь тому, как естественно назвал собеседника мифическим именем.

– Верное замечание. – Нео всем корпусом к нему повернулся. – «Фермером» может быть далеко не каждый. Точнее, очень немногие. И дело даже не в предвидении. Не менее важно объективное восприятие настоящего, той ситуации, в которой человек сейчас находится. Уже с этим у большинства людей существенные проблемы. До ясновиденья еще дорasti надо.

– Допустим. Но звучит несколько популистски, очень на лозунг похоже. Хочется услышать конкретный ответ.

– Чтобы стать «фермером», нужно осознание и умение интуитивного чтения реальности. Осознание можно тренировать и развивать, практик для этого достаточно, они известны. Осознанность избавляет от иллюзий и дает объективность восприятия настоящего. Не знаю, нужно ли здесь приводить примеры, но именно иллюзии и неточные представления о текущем моменте приводят к ошибочным действиям почти в ста процентах случаев.

– Нет, примеров не нужно. Но все же, будущее?...

– С будущим, с интуицией сложнее. Важно найти метод. На самом деле мир дает множество подсказок. Но для каждого они свои.

Тин все это время слушал внимательно и отстраненно, будто взвешивал что-то.

– И, вы этот метод нашли? – так же отвлеченно спросил он.

– Да, пожалуй, – ответил Нео. – Я пришел к тому, что предвиденье может родиться только из большого объема осознанного настоящего. И для меня как для программиста ответ в сети. Там бесконечный поток информации о настоящем. Я воспринимаю поисковики Интернета, как

голос коллективного бессознательного. Через них с бессознательным можно вступить в диалог, и при правильней постановке вопросов сеть может рассказать о будущем.

– Отчего же этого никто не сделал раньше? – не унимался Тин.

– Программа глобального мониторинга Интернета существует давно. Она обрабатывает практически всю информацию сети и выдает прогноз с высокой степенью достоверности. Но это просчитанная вероятность, не более. Она все же не интуитивна. Однако можно сделать так, что программа будет не просто перебирать варианты… – Нео замялся, похоже не хотел говорить большего.

– Вы хотите сказать, что создали программу с интуицией? Но для этого машина должна мыслить не логически. И, пожалуй, не только мыслить, но и чувствовать, – подтолкнул его Тин.

– Да, именно так. Чтобы уйти от обычного просчета вариантов, надо понять до конца, с чем, точнее, с кем мы имеем дело. Сеть не механистична! Это некая субстанция, которая несет в себе разум человечества. В этом смысле она живая, не бездушная, может даже сверхчеловеческая сущность. Она обладает сознанием и возможно мистическими свойствами. У нее надо уметь спросить.

– Уметь спросить? Это интересно, – теперь в разговор вступил Аркадий.

– Вы знаете Аркадий, у меня начинает получаться! – Нео всем телом повернулся к нему, – Мне кажется, я нашел метод!

Он резко встал и отошел от стола, как будто решился сказать.

– Мне удалось сделать программу такого диалога. Сейчас пока получается прогнозировать небольшие события индивидуальной жизни себе и знакомым. Но мы увеличиваем масштаб. Я хочу предсказывать «черных лебедей», например, природные и техногенные катастрофы. Вот, вчера, можно сказать, «пришло сообщение» о том, что ближайшее время, приблизительно через две недели, недалеко от Питера, произойдет крупная авария, крушение двух пассажирских поездов с большим количеством жертв.

Такси

16.05.2011 года.

На него никто специально не обращал внимания, но Вирга видела, что Тина приняли сразу, признали за своего. Сам он держался спокойно и присматривался к новым людям с интересом. Потом они увлеклись Талебовскими «черными лебедями». Забыли даже кофе. Она все это не раз слышала и не следила вначале за разговором. Ей было тепло и как-то очень спокойно, мирно на душе в этот момент. Хотелось, чтобы так продолжалось долго. А потом она почувствовала: что-то поменялось, как будто холодно стало. Не отследила отчего и встрепенулась.

Разговор продолжался на ту же тему. Но Тин, которому, как она видела, было здесь хорошо, весь подобрался. Это конечно, Нео. Он приносит напряжение, нерв, все превращает в спор и всегда говорит об одном и том же. О том, что мы живем в Матрице. Он в это верит не на шутку.

Нео сказал, что вроде как у него получилось с помощью программы предсказать будущее событие. Что, возможно, в ближайшее время произойдет катастрофа на железной дороге недалеко от Питера. Два поезда столкнутся. В этот момент что-то случилось.

Тин спросил у него: почему, если он об этом знает, точно уверен, что это так, он ничего не предпринимает, чтобы спасти людей от гибели? Нео ответил, что, во-первых, не уверен точно, во-вторых, не знает конкретных координат, когда и где это произойдет. Имеется только самая общая информация о том, что будет катастрофа с двумя поездами и большим числом жертв.

– Что тут можно сделать?

– Да, ничего нельзя… – прошептал Тин, встал из-за стола и пошел за кофе. Вирга заметила, что около кухни он на минуту замер с закрытыми глазами, а когда их открыл, был уже

отстранен и взведен, как сжатая пружина. Он улыбался, задавал вопросы, участвовал в разговоре еще минут десять. Потом вышел в прихожую, проговорил пару фраз по телефону, еще раз позвонил – заказал такси. Вернулся в комнату и сказал, что ему надо срочно уехать. Спорщики, не прерываясь, помахали ему руками. Вирга вышла проводить его в коридор. На немой ее вопрос Тин ответил, что вынужден на пару дней улететь в Москву и, когда вернется, ей позвонит. Он был доброжелателен, но она видела, что его как будто уже нет. Она закрыла за ним дверь.

После ухода Тина резко сменилось настроение. Ей стало грустно. Вирджа не возвратилась к столу, к кофе и разговору, подошла к окну на кухне. Окно это, единственное выходило не во двор, а на набережную. Видна была полоса асфальта, гранитный парапет и дальше широкой плоскостью качалась свинцовая вода, и слева за мостом светился тонкий золотой шпиль колокольни Петропавловского собора.

Внизу на тротуаре стоял Тин. Почти бежали, защищаясь от ветра, редкие прохожие. Он поднял воротник, отворачиваясь от резкого пылевого вихря. Подъехало такси. Тин взялся было за ручку передней двери, но тут из невидимой в окно подворотни к машине выскочили двое. Крупные корявые мужики, видно, что пьяные. Замахали руками, заспорили. Тин им что-то возразил. В ответ один из мужиков толкнул его. Тин отшатнулся, но устоял. Двое нагло полезли в салон, продолжая размахивать кулаками. Тин просто повернулся, и быстро пошел прочь.

Вирга смотрела ему вслед в смятении. Казалось, что случиться должно было что-то другое, более героическое что ли... Такая сила, такие слова были сказаны... Неужели что-то опять себе придумала. Что-то необычное, захватывающее дух. А он такой, как все.

Схватка

20.05.2011 года.

Прошла не пара дней, а три, может быть четыре. Опять вечер, усталость и скука. Бордовый Пежо ползет к дому, старательно облезкая пробки. Нет, сегодня это, пожалуй, нереально. У жизни в центре города есть свои недостатки. Темнеет. Огоньки загораются и чуть скрашивают пейзаж и унылую езду. Не хочется ни о чем думать. Вирге очередной раз удается вывернуть из стоячей вереницы машин в переулок. Он узкий, коленом на середине поворачивает под прямым углом. Мало кто знает этот путь. Но здесь хоть двигаться можно и сократить часть дороги.

Что-то мелькнуло в поле бокового зрения. Стремительность движения заставляет ее резко повернуть голову. Вирга ухватывает взглядом фигуру похожую на тень, но та исчезает в подворотне. Так быстро мелькнула, что ничего не понять. Что-то в ней, в этой фигуре было необычное. Нехорошее, неясное предчувствие пробуждает ее от сонливости.

На улицу из тьмы в арке вдруг выскоцил опять кто-то: стремительный бег с наклоном вперед в черном комбинезоне, в отведенной, оттянутой в сторону и вниз руке блеснул узкий клинок – катана. Фантастическая картина, как из японского боевика. Вирга задохнулась от неожиданности. Под фонарем увидела лицо – Тин.

– Ах!!! – А пока выдохнула, он уже нырнул в следующий темный портал двора. Вирга затормозила, вогнала машину прямо на тротуар, выскоцила из нее и побежала за ним.

Длинный проходной двор. С одной стороны стена дома в шесть этажей, пара окон светится, с другой какие-то гаражи. Он уже далеко, пробежал вглубь двора. На встречу из дальнего прохода следующего двора крадутся навстречу три, как бы это сказать, пса. С виду как доберманы, а размером с небольшую лошадь. Идут клином, глаза фосфорические, клыки... Собачка Баскервиллей отдыхает.

Вирга и два шага не успевает сделать, собаки и Тин молча бросаются навстречу друг другу. Движения Тина невероятно стремительны, неуловимы. Чуть не добегая до псов –

последний шаг вправо, стремительный и скользящий. Продолжение шага всполох стали: сбоку, снизу вверх рассекает длинно клинок брюха ближайшему псу. Тин сразу взлетает в прыжке через оседающую спину первой твари, невероятно высоко, группируясь: колени к груди, руки с клинком вверх, и обрушивается всей силой и весом на шею второго пса, срубая ему голову. Но третий, тот, что шел впереди, успевает развернуться, и они замирают напротив друг друга, примериваясь для броска.

«Тин, конечно же, и его победит», – в полуобмороке думает Вирга. Но тут замечает, как в дальнем конце двора начинает светиться ночная мгла, сначала точкой высоко над землей, затем расходящимся кругом размером с ту же подворотню. Свет в круге истончается, и в ночи образуется дыра. Сквозь дыру видно зеленое поле, голубое небо, а по полю бегут сюда, и уже совсем близко несколько таких же огромных псов. Вирге страшно до тошноты, до дрожи. Но более всего ее потрясает, что это пространство она знает. Оно не из реального мира. Это пространство сновиденья. И сейчас у нее на глазах разорвалась граница между реальным миром и сном, а это вообще невозможно. Долю секунды длится ужас и мысль и потом пронзает другая: «Тину не спастись от атаки с двух сторон, как бы он не был силен».

Далее все происходит в секунду. Не думая больше о том, что делает, что возможно сделать, а что нет, Вирга внутренним усилием, волей захлопывает дыру. Так она делает обычно во сне. Дыра взрывается, и в мгновение вокруг опять только ночь. Ее как будто ударяет о стену, и она медленно оседает на асфальт. «Надо же, получилась», – успевает она подумать. Видит последнее: как в это же мгновение, Тин и пес бросаются навстречу, только Тин двигается как-то наискось. Далее, он стоит сбоку от пса, у того хлещет кровь из-под морды, подгибаются передние лапы, и весь он заваливается вперед.

Эпизод 2. Дикая охота

«Республика кофе». 2005 год
06.06.2005 года.

«Республика кофе» на Большом проспекте Васильевского острова: тихое, просторное кафе с огромными до пола окнами и невыразительной обстановкой. Зал практически пуст. Тин заглянул сюда «погуглить» новости и выпить американо. Сел за столик у окна. Проверил: в новостях ничего необычного. Хорошо.

Он задумчиво глядел на тенистый сквер, запутавшееся в траве солнце, редкие машины, мелькающие за деревьями. Наконец напряжение отпустило. Все получилось... как будто. Время катастрофы миновало, но ничего не происходит. Еще светло. В воздухе плывет редкий тополиный пух. Бездумный, утомленный вечер.

Час назад он оставил машину во дворе около дома, бродил по городу, выбирая тихие переулки, пустые бульвары, незнакомые туристам. День был легким, слегка облачным и почти безветренным. Он пытался отвлечься и отпустить сжатую внутри пружину. В памяти хаотично прокручивались недавние события: четырехчасовая гонка по пустынному шоссе, скалистый островок в глубине ладожской шхеры и бешеный столб энергии ударивший из под кубических гранитных валунов. Столб чуть не разорвал его на куски.

Отключиться не удавалось. Тин блуждал в проходных дворах, задержался в садике за Академией художеств, наблюдая за выездкой пони. Издалека смотрел на Неву, не выходя на набережную. Потом координатное время вышло, и надо было проверить новости.

Народу в кафе немного прибавилось. Сначала появилась студенческая парочка. Девушка, в дредах, марлевой блузке и в чем-то еще этническом. Парнишка в специально надорванных джинсах и футболке. Оба с ноутбуками. Вместо того, чтобы обниматься и шептаться на диванчике в углу, они заняли столик в центре зала, сели напротив друг друга, открыли ноутбуки, отгородились экранами и начали стучать по клавиатуре, изредка поверх переглядываясь.

Затем, через несколько минут в зал ввалилась шумная компания: четыре бугая в майках и спортивных штанах. Парни были бритые и крепколобые. Сели ближе к входу, развалились в креслах, и начали громко обсуждать, кто кому чего насовал, и кто кого трахнул.

Тин слегка поморщился. Кафе не жлобское. Таких соседей не предполагалось. Впрочем, они не мешали. Тин вернулся к размышлению.

Откровение
10.03.2005 года.

Три месяца назад он уехал на неделю за город. Была середина марта. Снег только начал плавиться, сугробы покрылись коркой, и на нее ложились синие и оранжевые солнечные тени. Дни стояли морозные, звенящие чистым был воздух. Тин бегал на лыжах, топил печь в пустом светлом доме, лежа часами глядел в потолок. Отыхал от города и суеты, зная еще, что именно в такие дни сами с собой приходят прозрения. На третий день, в ночь, в полусне соскользнул в медитативную глубину.

Он как бы парил в космической бездне, не ведая границ. Было хорошо и покойно раствориться в пустоте. В бесконечности потерялось время. Потом вдруг сама с собой раскрылась следующая бесконечность. Она не могла быть большей, чем Космос, но была. Была грандиозней в силе своей, в таком ослепляющем и одновременно призрачном сиянии, что казалось: сейчас сотрет его вовсе из этого мира, превратит в ничто.

Неизмеримой точкой намеренья Тин не позволил себе пропасть, и тогда из этой бездны, будто бы сверху, увидел всю Землю. На мгновение: судьбы своего мира, стран, народов, каж-

дого человека, прошлое, будущее... Затем видения сфокусировалась, и перед ним чередой прошли картины: взрыв на атомной станции в Сосновом бору, худший чем Чернобыльский, гибель огромного города, тысяч людей, лесов, беспощадная радиационная смерть пространства. Потом образы закрутились в черной воронке, схлопнулись, и все исчезло. Он вернулся из той реальности ошеломленный. Это должно было случиться через три месяца, в начале июня. Точно знал время и дату. Видел до деталей, как произойдет авария.

Сеансы такого рода были ему не в новинку. Более того, Тин давно развивал способность виденья (Ясновиденье – говорить как-то неловко: за экстрасенса примут). Но кроме мистических откровений эта информация была, что называется, для внутреннего пользования: личная жизнь, дела, разработки. Иногда таким образом помогал решать проблемы знакомым, не распространяясь, впрочем, откуда берет свои рекомендации. Всем известно было, что советы он дает толковые, его считали умным, хорошо знающим жизнь человеком, не более.

В этот раз все случилось иначе. Иными совершенно были масштаб и сила предсказанья. Оно было жутким, и Тин знал, что катастрофа точно произойдет. А вот на вопросы: почему к нему пришло это видение, и что он теперь должен сделать – ответа не было. Следующие дни Тина часто посещала одна и та же мысль: вот так живешь, чувствуешь себя суперменом, совершенно свободным человеком. Потом на тебя вдруг сваливается задача, может быть даже не имеющая отношения к твоей жизни, и понимаешь, что ты совершенная букашка, которая ничего не может.

Он искал ответ. Что бы в такой ситуации сделал обычный человек, сосед, горожанин, обыватель? Скорее всего, он не придал бы этому значения – мало ли чего привидится. Не поверил бы, прежде всего. А если бы и поверил, то попытался обратиться в МЧС, к губернатору, ФСБ, журналистам, в милицию... Бог знает куда еще.

Но он же не в справочниках рылся, не в книгах. Обращался к источнику, откуда пришло видение. Только дороги туда не открылось. Пробовал поиск в доступном интуитивном пространстве, но здесь точного (абсолютного, истинного, кристального) ответа не было.

Зато совсем несложно оказалось просмотреть линии судьбы при обращении в инстанции. Результат везде получался плачевный: чиновники, пресса, прокуратура, психбольница, агония на крючке спецслужб – в разных сочетаниях. Ему, прежде всего, не поверят. А если он и докажет свою правоту, начнутся вербовки разведок, грязные политические игры, в которых выжить не удастся. Да, и реальным спасением людей никто толком не займется. Представляя это, Тин все же проконсультировался со знающим человеком и только получил подтверждение своим опасениям. Нет ни малейшего шанса. Решение искать самому.

Дикая охота. Начало. Сумерки

06.06.2005 года.

В меню кафе было виски, и бритые парни надрались. Теперь они спорили зло и разгоряченно. Размашисто жестикулировали и широко растопыривали пальцы, пытаясь взять закуску с тарелок. Студентики сложили ноутбуки и тихонько смылись от греха подальше. Официантки тревожно переглядывались за стойкой. Ребята были здоровые, возможно, отбойщики или вышибалы, борцы, бывшие спортсмены.

Сейчас ситуация, похоже, выйдет из-под контроля. Один уже сгреб плавным движением пару тарелок на пол. Другой зло прихватил приятеля за майку. А третий...

Тин подумал, что, пожалуй, слишком увлекся своими мыслями, подумал запоздало. Над ним уже нависал третий: безбровый, круглолицый, с оловянными белыми глазами. Наклонился. – Привет, мужик! Чего, не нравится?

– Да, не, нормально все, – ответил Тин успокаивающим тоном.

– Нет, мужик, вижу, что не нравится тебе...

— А что не нравится?

Вопрос неожиданно смущил парня, — Ну, это... — ответил он после паузы.

— Что это?

— Ты мне мозги не е..., — и, неожиданно смягчился, — Давай выпьем! Колян, стакан дай, — крикнул он через плечо своему столику.

— Да не хочу я пить, — скучно сказал Тин, понимая, чем все закончится. Он слегка наклонил корпус и перенес вес на ноги.

— Не уважаешь, значит. Пить не хочешь? Не нравится тебе... — сказал бугай. Потянулся пятерней к груди Тина, отводя для удара увесистый кулак.

— Мог бы придумать что-нибудь пооригинальнее, — успел подумать Тин.

А дальше все произошло быстро и бесшумно. Девушкам, испуганно сжавшимся за стойкой, могло показаться, что худощавый мужчина (столик у окна) резко встал, быстро прошел между громил и исчез, хлопнув дверью. А парни почему-то повалились почти одновременно на пол и остались неподвижно лежать на кафельном полу. Не было грохота и опрокинутой мебели, врезающихся в стены тел. Не было эффектных ударов ногой в голову и причудливых движений руками, как в кино. Движений рук и ног будто бы вообще не было. Худощавый просто стремительно сблизился с ними, и пацаны легли, как подкошенные, будто их ударили не рукой, а ножом в сердце.

Он действительно просто прошел между ними. В схватке всегда его тело действовало автоматически с невероятной скоростью, а сознание ясно и отрешено наблюдало за происходящим со стороны.

Первый. Когда безбрювый, нависая на них, очень медленно замахнулся, деваться было уже некуда. Используя силу вставания, цепной удар: печень, горло, голова. (Интересно, до сих пор удивляет, что зрители ударов вообще не видят, а удар, на самом деле не один, а серия.) Полшага вперед вправо. Через секунду первый сзади мягко свалится на столик, обнимая его руками.

Второй не успевает поднять рук. Круговой удар ногой под колено сзади. Одновременно основанием ладони снизу в подбородок. Получается: два в одном — нокаут, и что-то вроде дзюдоистского охвата. Ноги вылетают выше головы. Противник прикладывается затылком о пол.

Третий пытается ударить. Полшага вперед влево. Снятие — блок атакующей руки. Правый прямой в голову, левый локоть туда же. Правая ладонь уже держит голову сзади, двигаясь навстречу локти...

Четвертый. Дистанция великовата. Срыв центра тяжести вперед — полувыпад: колено — локоть. Локоть вошел жестко, почти с хрустом.

Дверь захлопнулась одновременно со звуком падающих тел.

На улице лоб остудил легкий ветерок. Тин, не раздумывая, повернулся направо и быстро зашагал к перекрестку. Он был не на шутку встревожен. Для человека его профессии и образа жизни принципиально важно непрерывно находиться в состоянии равновесия. Маг... человек с магическим потенциалом определенного уровня не имеет права на прекосы. Энергетическая разбалансировка мастера мгновенно начинает разрушать окружающее пространство. Люди вокруг сорятся, заболеваются; могут машины столкнуться или вспыхнуть пожар. Мастера содержат мир в порядке, буквально. И им не позволено его разрушать.

Одно из следствий этого правила — диагностическое. Начало перекоса можно не только почувствовать, но и увидеть по реакции окружающих. Даже если не с тобой, а рядом произошло, что-то нехорошее — это сигнал, что ты не в порядке. Мастер живет в бесконфликтной зоне. Точнее, круг покоя и порядка следует за ним всегда и везде. А тут драка — сигнал грубого, очень грубого, опасного нарушения равновесия. У Тина сейчас внутреннего энергетического

разбаланса не было, а конфликт случился! Такого быть не должно. Не бывает такого. Очень беспокоящее опасное несоответствие, и чувство опасности нарастает с каждой минутой.

По Пятнадцатой линии Тин шел быстро и сосредоточенно. Лихорадочную скачку мыслей отбросил. Важней контролировать пространство, улицу, прохожих. Это спасло ему жизнь.

Дом в строительных лесах. Вдоль лесов можно пройти по узкой полоске свободного тротуара. Призрачная тень вынырнула из-под лесов и судорожно махнула вправо подобием руки. Тело, не задумываясь, подчинилось. Длинным скользящим движением Тин отпрыгнул на проезжую часть. И тут же на тротуар, на место где он должен был оказаться, слепнулся бумажный мешок цемента и лопнул, поднимая столб едкой серой пыли. Не останавливаясь, Тин выстрелил взглядом вверх. Из-за заграждения лесов, с четвертого этажа выглядывали испуганные лица двух таджиков.

«Пятьдесят килограмм с четвертого этажа: мне бы хватило», – чертыхнулся Тин, продолжая движение. Больше не о чем думать себе не позволил. Ни о том, что ситуация совершенно безумна, не реальна, необъяснима. Ни о том, что обычный человек сейчас должен был бы остановиться и начать орать на идиотов, которые уронили мешок ему на голову. То, что они сделали это случайно, было очевидно. Сейчас обо всем этом размышлять непозволительная роскошь. Слишком опасно, слишком необъяснимо. Только движение. Следовать интуитивным импульсам. Предельная алертность, как в бою, как на восхождении, когда висишь на скальной стене.

Послушно включился следующий уровень восприятия – экран ДКЦ – зрительное восприятие на 360 градусов, работают все органы чувств одновременно. Пространство воспринимается все целиком, сразу. Движущиеся объекты контролируются одномоментно. Отслеживаются энергетические и причинные связи между объектами: мир связала сетка световых нитей.

Тин двигался сейчас в сторону дома, к своей машине. Нужно посмотреть, что будет происходить в ситуации на колесах, и заодно убраться отсюда подальше. Может быть, место имеет значение? Спокойно ему удалось пройти не более пятисот метров. Средний проспект он собирался преодолеть крайне осторожно: по пешеходному переходу, с контролируемой и пустой проездной частью. Но до этого дело не дошло. Он ждал удобного момента, стоя у самой стены дома, далеко от края тротуара. Перекресток был пуст, когда сумасшедшая раздолбанная девятка на скорости сто сорок выскоцила на перекресток справа. Без включенного сигнала пошла на левый поворот, не вписалась в него, за перекрестком уже вылетела на встречку, затем на тротуар и с полной дури врезалась в стену. Туда, где мгновение назад стоял Тин.

Он перебегал на другую сторону, не оборачиваясь. От машины наверняка мало что осталось. Становилось тошно от бессмыслинности происходящего. Что особенно смущало, в причинно-следственном поле этой машины и аварии, как вероятности, как ближайшего будущего не было! Думать об этом не стоило. Скорее в машину. И найти возможность сделать паузу в странной, непонятной игре.

Между тем на город опускались сумерки. Воздух серел, и ярче сияли габаритные огни машин. Еще пять минут ходьбы. В подворотне дома, длинной и узкой, как туннель, совсем темно. Навстречу по туннелю быстро идет высокая сутулая фигура в кепке, с поднятым воротником, руки в карманах. Проходя мимо, неожиданно делает шаг навстречу и с предельно близкой дистанции жестко и умело бьет ножом под сердце. От такого удара нет спасенья.

Но... есть приемы обтекания ножа: полуповорот вправо, сближаясь до контакта плечом с убийцей. Левая рука уводит атаку, правая – удар снизу вверх вдоль тела врага под нижнюю челюсть. Напряженные пальцы копьем пробивают мышечную мембрану под челюстью, корень языка. Этот – труп.

Развернулся Тин очень кстати, потому, что есть второй. Он из-за угла заскочил в подворотню и хотел ударить в спину одновременно, но задержался на шаг. Теперь его нож идет почти мимо, почти... Тин, как в танце, продолжает вращаться. Левая рука блокирует: дрогнуло,

сверкнуло, ушло в сторону лезвие. Перехват правой, левой в голову, правой в горло, колено – пах. Все. Этот тоже покойник. На таком включении...

Пальцы слегка дрожат. Оттащить тела к стене, чтобы могла выехать машина. Странное облегчение, освободилось что-то внутри... и усталость. «Надо уезжать, если машина не заминирована» ... – придет же такое в голову. Прямо шпионские страсти.

С машиной все в порядке. На сиденье секунду передохнул. Аккуратно выехал из подворотни. Очень внимательно, медленно двинулся по улице...

Тин припарковался на площади у гостиницы Park Inn, бывшей Прибалтийской. Площадь широкая, движение не сильное, народу немного. Подождал немного: все тихо. Теперь можно попробовать разобраться в происходящем.

Единственное, что понятно, он получил передышку. Еще Тин почувствовал, что после последней стычки в подворотне что-то изменилось, притом существенно. Возникло не просто ощущение облегчения. В пространстве что-то изменилось. Само пространство, казалось, давило на него все время, начиная с драки в кафе. Просто он не отследил этого сразу. Осознал только сейчас, когда «давление» пропало. Это не давление, конечно, в прямом смысле. Пожалуй, ощущение зла, разлитое в воздухе, в вещах, людях. Тонкое ощущение, но очень едкое.

Так бывает со старыми квартирами. Иной раз зайдешь в гости, а в доме настроение несчастья, беды пропитало стены, вещи, людей. Дом даже запах особый имеет. Тяжело, хочется уйти сразу. А здесь что-то похожее, но тоныше. Тоныше, опасней, злей. Это важная вещь, надо будет за ней проследить. Может быть, ощущение это – ключ к происходящему.

А что происходит, вообще непонятно! Просто психушка, дурдом, бандитский сериал с дурным сценарием. Нельзя же серьезно думать, что его кто-то заказал. Да, и события в логическую цепь не строятся. Нет причин, нет логической связи между событиями. И в то же время связь есть. Таких случайностей, выстроенных в цепочку одна за другой, не бывает! Зацепиться даже не за что.

На что это похоже? Больше всего происходящее напоминает магическую войну. Но противника в этой войне нет. На войне всегда есть противник, всегда есть противостояние. И враг всегда оставляет энергетический след, даже если действует из засады с большого расстояния. Следа не было. Более всего события сегодняшнего вечера своим ощущением и настроением напоминали особую полосу невезения: убийственную, тотальную и целенаправленную. Полная бессмыслица!

Тин отпустил беспомощный ум, и сосредоточился на внутренней тишине. Через несколько минут силы и покой восстановились, и он попробовал разобраться в происходящем еще раз.

Из дневника. Побочные эффекты киноиндустрии

06.06.2005 года.

Я знал о предстоящей катастрофе. Ну и что? На какие кнопки надо нажать, чтобы изменить будущее? Хороший вопрос. Олег, похоже, был уверен, что я справлюсь. Но я просто не знал с чего начать. С другой стороны, видения не приходят случайно. Значит послание предназначено мне, и шанс получить ответ тоже. Помощников найти не удалось. Каждый раз, как только появлялась подходящая кандидатура, с человеком что-то случалось, или нелепые случайности срывали планы.

Намек был ясен, и я начал самостоятельные исследования. Если раскрыть природу этого феномена на энергетическом и причинном уровне, решение будет найдено. Прошел месяц – медитации, расчеты, эксперименты – можно сказать, в упорных и пустых трудах. Результата не было.

Ответ пришел неожиданно. Он оказался неочевиден и одновременно прост. После очередной медитации захотел отвлечься, посмотреть что-нибудь о природе. Включил телевизор... Есть такое многозначительное, загадочное и одновременно научообразное кино. Обычно полная хрень. Отчего-то взгляд на происходящем задержался. На экране раз за разом рушились башни-близнецы в Нью-Йорке. Все время это выглядело по-разному. Я понял, что вижу фрагменты игровых фильмов. Потом показали документальные кадры 2001 года: самолеты, врезающиеся в тело небоскреба. Голос комментатора сказал, что до теракта около двадцати раз транслировали разрушение «близнецовых» в различных боевиках и фантастических фильмах. Далее он с многозначительной интонацией развивал мысль о том, что многократное повторение кадров гибели небоскребов как-то связано с реальной трагедией. Я не вышел еще из состояния медитации полностью, и вот, в пустоте расширенного сознания все соединилось.

Ответ произрастал из логики мистического восприятия реальности. Любой маг-практик знает принцип материализации. Объект или событие воплощается в физическом мире следующим образом. Сначала возникает импульс намеренья. (Лучше – Высшей воли). Затем создается образ объекта. Затем он наполняется энергией и эмоциональным зарядом. Если воля направлена, образ отчетливый, а заряд энергии большой – объект воплощается неотвратимо.

Я видел причину. Так просто, так буднично, и никто не обращает внимания. К примеру, некий талантливый режиссер задумал фильм-катастрофу, о том, как террористы взрывают башни-близнецы в центре Нью-Йорка. Он снимает кино с эффектными сценами разрушений и гибели и выпускает его в прокат. (Почему-то такие фильмы привлекательны). Его смотрят сотни миллионов людей во всем мире. Режиссер создал отчетливый образ, миллионы зрителей зарядили его своей эмоциональной энергией. И теперь неизбежно это событие должно произойти!

Проходит несколько лет, и 11 сентября 2001 года среди бела дня в центре Нью-Йорка, совершенно неожиданно для всех, самолеты, захваченные террористами, врезаются в башни-близнецы и разрушают их до основания. Гибнут тысячи людей, как в фильме. Уходит в прошлое целая эпоха неуязвимости и величия Америки. А все потому, что один режиссер хотел успеха и денег, а миллионы зрителей просто решили развлечься вечерком!

Все случается от невежества и жадности. Боже, если бы люди ведали, что творят. Они еще читают книжки и смотрят фильм вроде этого: думают потом, верить или не верить. Не понимают, что ежедневно и ежечасно разрушают свой мир, свой дом, свою страну, пустяка ради. Истинная причина многих трагедий: искусственно созданные образы разрушения, и затем их мощная эмоциональная подпитка. Так рождается программа будущей катастрофы с указанием точного места и вида воздействия.

Правильно было бы назвать мыслеформы-убийцы: программой. Но я отчего-то стал называть их воронками катастроф. Их астральная проекция действительно напоминала чудовищного размера воронку. Раз есть энергетическая структура, ее можно уничтожить. Воронка возникает за несколько месяцев, иногда и лет до материализации. Следовательно, есть хороший шанс ее обнаружить и нейтрализовать заранее. Теперь можно было заняться разработкой метода.

То, каким образом появлялась на свет воронка, напоминало построение магического ритуала. Для ее нейтрализации нужен такой же ритуал, только нацеленный на разрушение мыслеформы. Я практически сразу представил, как это можно сделать. Оставался один вопрос: где взять такое невероятное количество энергии? Оно должно быть не меньшим, чем эмоциональный выплеск сотен миллионов людей. Сконцентрировать такой заряд в одиночку почти не разрешимая задача.

Поиск источника энергии затягивался, а время истекало. Наконец, когда я попробовал использовать в ритуале дополнительно энергию мест силы, показалось, что результат достигнут и решение найдено. Затем возник еще один вопрос. Разбираясь с будущей катастрофой в Сос-

новом бору, я пришел к выводу, что эту воронку породили не фильмы. Неудачно составленный блок новостей,брос инфомрации в социальные сети. Резонанс: причудливое сочетание старых страхов времен холодной войны, пугающие образы Чернобыля, общий тревожный фон жизни Санкт-Петербурга. Стремительное распространение слухов об аварии на АС вызвало панику в городе. Она не вылилась в беспорядки, но запустила разрушительный механизм воронки.

С учетом этих особенностей, пришлось внести в ритуал коррективы. В Карелии мест силы предостаточно, особенно на Ладоге. Я успел за сутки до возможной катастрофы. Утром на островке в Ладожской шхере удалось, используя всю свою энергию и мощь специально выбранного места, уничтожить программу аварии на атомной станции. В будущем Санкт-Петербурга и окрестностей катастрофы больше не было. Это ощущалось совершенно отчетливо. Я был пожалуй... счастлив. Усталость делала чувство пронзительным. Удивил только выброс энергии во время магического ритуала. Он в разы превосходил предполагаемый. Чуть не размазал меня по скалам. С этим еще предстоит разобраться.

Сразу после проведения ритуала я в вернулся в город, и через некоторое время началось то, что позднее по аналогии с мрачной средневековой легендой, назвали Дикой охотой.

Дикая охота: Ночь. Продолжение

06.06.2005 года.

Задерживаться на площади у «Park Inn» смысла не было. Интуитивное чувство призывало уехать прочь из города. Там свободней и, скорее всего, не так опасно. Тин направился в сторону Приморского шоссе. Проехал по Малому проспекту, пересек Тучков мост и ушел на Петровскую косу. По Песочной набережной выскоцил на Каменноостровский. Два небольших мостишка, развязка, и вот уже Приморский проспект. Пока без приключений.

Выезд из города. Лахта. Берег залива, похожий на помойку. Маленькая полуразрушенная марина с ржавыми катерами и одинокой яхтой. Поток машин на Приморском шоссе. Унылая кучка домиков умирающего Ольгино сменяется рощами стройных берез, затем особняками, мелькающими между сосен. Плавные изгибы трассы. Асфальт гладкой лентой ложится под капот машины.

Тин не решил окончательно, куда двигаться дальше: по кольцевой на Призерское шоссе и потом на Ладогу, к месту ритуала, или на международную трассу «Скандинавия» и в сторону Финляндии. Может быть, возвращение к месту ритуала поможет разобраться в происходящем? Или наоборот, спровоцирует новую волну «приключений». За Финляндию то, что действие охотящейся за ним силы может быть ограничено границей. Государственная граница – не только политический, но и энергетический барьер. Он может притормозить как «силы», так и людей, в том случае, если это определенный, конкретный враг. Интуиция молчала. Ответа не было. Логика забуксовала давно и надолго.

Развязка кольцевой осталась позади. Слева замелькали домики Сестрорецка. Вопрос решился сам с собой. Получается, что все-таки дорога на «Скандинавию». Сразу за пустыми пляжами озера Разлив, он притормозил у стоявшего в отдалении ларька купить бутылку воды. «Несомненно, есть связь между сегодняшним ритуалом и этой странной охотой на меня, – подумал он. – Надо бы разобраться в природе этой связи».

И тут Тин почувствовал то, чего в первый раз не заметил. Синий вечерний воздух как будто сгустился на секунду. Контуры домов, людей и машин полыхнули радужной каймой, и все исчезло. Только в пространстве медленно разливалось ощущение давешнего зла, настолько тонкое, что ни за что не заметил, если бы не приготовился заранее.

Охота продолжается, с горечью подумал он, и переключил восприятие в режим ДЦК.

Ему не удалось даже отъехать от обочины. Из сумерек вынырнули и с визгом затормозили две черных длинных Audi. Первая машина проскочила чуть дальше, а вторая откровенно

подрезала, перекрывая дорогу. Из машин посыпались одинаковые квадратные парни в костюмах. Четверо. Еще двое: в джинсах и кожаных куртках. Один – высокий, немного нескладный, другой – худощавый, стремительный в движениях. Что особенно неприятно, все с оружием. У одного, в костюме даже «Ксюха», короткий автомат АКС 74У.

А дальше началось совершенно непонятное. Тин не успел подать назад. Из тьмы вывалились два тупорылых мрачных джипа Шевроле, из дверей полезли бритые парни в спортивных штанах и футболках и сразу же начали палить из пистолетов... по тем, в костюмах и куртках. «Костюмы» ответили, завязалась нешуточная перестрелка. На Тина и его серый Форд никто не обращал внимания.

На беду он оказался почти между двумя группами. Пули ложились густо совсем рядом. Тин выскользнул через правую дверь на обочину и замер за машиной. В ситуации надо разобраться. Хорошо, что не успел ввязаться.

Но разобраться в происходящем ему не дали. Дела прилично одетых парней пошли не очень хорошо, автомат не помог. И хотя один «спортсмен» коротко и бесшумно ткнулся головой в открытую дверь джипа, другой, тихонько подывая, поскреб руками щебенку на обочине и замер – это расклада не поменяло. Стрельба затихла. Троє в костюмах, картино раскинувшись, лежали на асфальте. Еще один сидел, прислонившись спиной к березе, и, закинув голову, смотрел пустыми глазами в беззвездное небо. Пятеро бритых пытались взять в кольцо двоих в куртках. Стреляли и те, и другие редко – патроны кончались.

Противники осторожно сближались. Похоже, бритые пытались подкараулить врагов на точный выстрел. А что хотели парни в куртках, стало понятно, когда «стремительный» подкрался к спортсмену на расстояние удара, прикрывшись корпусом джипа. Увел руку с пистолетом, ударил так резко, что противника будто срубили. Двоє в куртках бойцы посерезней, чем те, что были в костюмах.

Бритые не торопились. Ждут подмогу, понял Тин. До двоих это, видимо, тоже дошло, и они бросились в отчаянную рукопашную. Им нужно было под пулями проскочить всего два шага, используя один последний ответный выстрел. Получилось. Получилось... только у машины Тина.

«Нескладный» в бою оказался ловок. Оттянул на себя двоих. Умело закрылся одним от выстрелов другого. Одновременно «снял» руку первого с пистолетом. Подсек под колено, ударил локтем в висок. Ушел нырком от следующего выстрела. Успел сблизиться со вторым, ударить смертельно в шею. Но сам получил пулю, упал.

«Стремительный» фантастическим ударом ноги – прямой в подбородок с ближней дистанции – уложил своего противника. Длинным кувырком ушел от выстрела за капот Форда и решил обежать машину с другой стороны: атаковать еще одного. Вот тут все получилось нескладно. Последний бритый рванулся ему навстречу и выскочил прямо на Тина. Не раздумывая, попытался пальнуть в него. Вместо этого улетел в кусты без пистолета и с перебитым горлом.

Стало тихо. Они стояли друг напротив друга: парень в куртке, судорожно хватающий воздух ртом, и Тин с пистолетом в руке.

– Тебя где так ногами махать научили? – холодно спросил Тин.

– У нас минута, не больше. Сейчас еще приедут, – вместо ответа почти прошипел, задыхаясь, парень, – сматываться надо.

– А товарищ-то твой жив?

– Нет, не дышит.

– Погнали, – Тин уже запрыгивал на сиденье. «Ну вот, ввязался», – подумал Тин, выруливая на трассу. Но исчезнуть во тьме они не успели. К месту перестрелки летели: угловатый Галенваген и спортивный БМВ. Джип начал притормаживать у обочины, а водитель БМВ увидел их и только прибавил ходу.

– Поехали, – безрадостно прошептал Тин, и выжал педаль газа до отказа.

Могила Маймонида

Центр Иерусалима. Фалафельная на улице Агриппас. Дата неизвестна.

– Тебе никогда не казалась странной могила Маймонида в Тверии?

– Она футуристична. Похожа то ли на корону, антенну, лазерный излучатель из фантастического боевика.

– Футуристична? Маймонид жил в XII веке.

– К чему ты заговорил о ней?

– Ты спрашивал, как мне удается получать столько информации о происходящих и будущих событиях.

– И что?

– Ты правильно почувствовал. Могила Маймонида своего рода антенна и излучатель. С ее помощью можно выйти на связь с одной весьма осведомленной сущностью.

– И ты с ней общаешься?

– «Общаешься», – сказано очень по человечески. Это не человек.

– А кто?

– Извини, не могу сказать. Обещал. Это – достоверный источник. Опаринскую теорию происхождения жизни на Земле опровергает, как очевидец.

– Даже так. То есть эта сущность тебя постоянно информирует?

– У меня есть возможность задавать вопросы.

– И часто?

– Да.

– Слушай, если это ТАКОЙ источник информации, почему ты не поселился рядом?

Почему ты живешь в Цфате?

– Тверия дурацкий городок, там жарко. В Цфате климат лучше.

О конечном и бесконечном

Место и время не определяется.

– Она сказала, что не может больше неотрывно смотреть на звезды. Что-то ее отвлекает.

–

– То есть, я ничего не спросил?

– Да.

– Что ты думаешь о ней?

– Она беспечна… и, возможно, больна.

– Что скажешь о нашей судьбе и о будущем?

– Оно неясно.

– Может ли мир погибнуть?

– Вполне.

– Что можно сделать, чтобы его спасти?

– Ничего. Спасай себя и не суетись. Это не наша задача.

– И все же. Надо что-то делать.

– Сделать ничего невозможно. Не мы решаем.

– А кто?

– Нет сущности, которая решает.

– Ты атеист? Не ожидал.

– Я не давал повода так думать. «Решает» – человеческое понятие. Твой мозг устроен слишком прямолинейно.

– Ты говоришь от лица бесконечности?

– Не говори глупостей. Бесконечность – не то, о чем можно говорить. Тем более, что-то говорить от ее лица.

– Но...

– И не надо о символах. Символы придумывают люди с избыточным воображением. Если ты засунешь в рот большой палец ноги или извернешься так, что сможешь поцеловать себя в задницу, это не значит, что ты символ бесконечности.

– Сердишься?

– Я?

Дикая охота: Ночь. Финал

06.06.2005 года.

Шоссе петляло, окруженнное с двух сторон стеной молодых сосен. Погоня не отставала. БМВ держался совсем близко. Галенваген мелькал чуть дальше. Впервые Тин пожалел, что покупает – все равно ненадолго – первую попавшуюся машину.

«На форде от них не уйти, – подумал он, – что-то надо сделать». Его пассажир внимательно следил за дорогой и зеркалом заднего вида. Челюсти сжаты, глаза чуть прищурены. О том же думает.

– Макс, – представился парень, не поворачивая головы.

– Константин, – разговор не мешал рискованно проходить повороты. – Так где ты так ногами махать научился?

– Чемпион мира по Тайквандо 2004 года, – ответил Макс.

– Неплохо. А по стрельбе ты тоже чемпион? – Тин протянул ему трофейный пистолет.

– Нет, призер, – Макс взял оружие и проверил обойму. Два патрона, негусто.

Тин попытался запутать преследователей на Белоостровской развязке. Не получилось. Дальше надо было выбирать, и Тин решился. Вот поворот на «Скандинавию» уходит вправо и вверх, на мост. Машина пролетает его с заносом на грани риска. БМВ на хвосте тоже не тормозит, с визгом резины, юзом выносит ее вслед за фордом. Вот международная трасса сверху по мосту пересекает нижнее шоссе, с которого они только что ушли. Именно здесь, в тот момент, когда БМВ еще не полностью вывернулся, Тин резко тормозит, уходя в сторону. И когда преследователь, не успевая отреагировать, пролетает мимо, резко добавляет газа, ударяет БМВ сзади наискось, добавляя к его сумасшедшей скорости дополнительное ускорение – толчок, от которого машина, зацепив только край отбойника, вылетает с моста вниз.

Ни секунды промедления, сразу вперед. Через мгновенье за спиной слышен грохот, через несколько секунд взрыв.

Форд со смятым бампером летит по прямой, как стрела, хорошо освещенной трассе. Мелькает строй корабельных сосен, гранитные стенки, песчаные обрывы и редкие домики. Сзади – Галенваген. Он даже не притормозил на мосту. Теперь медленно сокращает дистанцию. В машине – Тин еще в Сестрорецке разглядел – четверо хорошо вооруженных «спортсменов». Если догонят, проблем будет немало.

Макс откинулся на сиденье, расслабился и полуприкрыл глаза. Но в зеркало следит за погоней.

– А ты что за чемпион? – спрашивает он.

– Я? Не спортсмен. Психолог.

– Умелый ты психолог. Не спецназ ГРУ случайно?

– Нет. Сам по себе. Одиночка. В вашу перестрелку случайно попал. Стоял на обочине.

– Случайно… – недоверчиво усмехнулся Макс. – Странные у тебя случайности, однако.

– Вот и я о том. Сегодня день такой, странных случайностей. А чего, ты, чемпион, себе такую работу выбрал?

– В рекламу не взяли, – оскалился Макс. – Мы как бы охранная фирма. А они как бы спортмафия. Но за ними еще одна крутая контора стояла… оказалось.

– Знаешь, Макс, меня это не очень интересует. Я действительно в разборку вашу случайно попал. Мне главное – «слиться» незаметно, чтобы потом продолжения не было. Думаю, тебя это тоже устроит.

– Пожалуй. Шанс «слиться» есть. Видел: ты и номера грязью успел замазать. Профессионально так…

– Да я не профи. Это – другое. Долго объяснять. Сейчас надо ребят сзади отцепить. Больше никто не подъедет?

– Думаю, что нет. Так быстро не успеют.

Дистанция сокращалась. Почти пустое шоссе. Редкие изгибы трассы. Галенваген совсем близко. На очередном повороте, джип ушел на встречку, стекло по правому борту опустилось и в оконную щель просунулся ствол автомата. Удалили короткими очередями. Тин качнул машину вправо. Большинство пуль прошло мимо. Одна разбила задний левый фонарь.

– Так мы долго не протянем, – Макс чуть опустил стекло, приготовился стрелять прицельно. В салон ворвался вой моторов, ударило полотнище ветра. Тин выдавал отчаянные зигзаги по всей ширине шоссе. Ловил момент: поворот, встречный трейлер. Макс готовился наверняка стрелять по колесам.

Вновь ударили очереди, и опять удалось ускользнуть. Взвизгнула о металле по касательной последняя пуля. Тин все раскачивал и раскачивал сумасшедшую синусоиду движения, постоянно высакивая на встречную полосу. Галенваген не мог поймать ритм, пойти на обгон, чтобы расстрелять их сбоку. Но ситуация эта неминуемо приближалась.

Наконец на очередном изгибе трассы из-за стены леса вынырнул огромный трейлер на скорости не меньше сотни километров в час. Двухэтажная квадратная морда «Манн» двигалась прямо на них. Сзади мелькнули на платформах крыши новеньких блестящих Тойотов.

Прямо в лоб дальнобойщику летел сумасшедший форд и чуть дальше такой же психованый Галенваген. Грузовик пытался сначала уйти в сторону, потом встать на полных тормозах. Асфальт завизжал истерично. Хвост трейлера с семью джипами в два этажа потащило вбок, перекрывая все шоссе поперек. Тин резко вильнул вправо, уходя от лобовухи. На мгновение борт Галенвагена открылся, и Макс всадил в колесо две последних пули.

Водитель Галенвагена увидел опасность на мгновение позже, попытался вырулить. Но в этот момент скат правого переднего колеса разорвало, машина пошла юзом, и влепилась в огромный трейлер. Тот подмял ее, протащил, искореженным железом джипа соскребая асфальт. Форд успел проскользнуть узкую щель на дороге. На лихом вираже они обошли хвост трейлера, с которого через секунду обрушатся, размалывая на своем пути новенькие тойоты.

Они успели. Победа! Спасение! Но, пролетая мимо, Тин увидел еще одну огромную тень. Идущий вслед за трейлером междугородний автобус, полный спящих пассажиров, с выключенным светом в салоне, пытаясь избежать столкновения, выруливает на обочину и с высокого откоса медленно заваливается набок. Кабину водителя сминают стойки трейлера.

В каком-то внутреннем онемении Тин проехал еще сотню метров, гася скорость. Заглушил двигатель у обочины и замер. Вместо чувства победы – ужасающая пустота внутри. Отчетливо, внутренним взором он видел, как гибнут в салоне автобуса спящие люди. Кричат испуганно раненые и дети. Чужая боль невыносимо рванула нутро. И такая же невыносимая ударила мысль: это было неизбежно.

– Мы их убили, – сказал он хрипло, не глядя на Макса, выскочил из машины и побежал к опрокинутому автобусу.

Следующий час вспоминался смутно. Все слилось: кровь, искореженное железо, стоны раненых, мгновенно набухающие алым, чистые бинты, мигание и вой медицинских и гибдешных мигалок, плач и истерики оставшихся в живых. Они первыми пришли на помощь и помогли всем, кому можно было помочь.

Двоим или троим Тин сохранил жизнь с помощью игл и незаметной энергетической закачки. Это было, пожалуй, настоящим чудом. Они не дожили бы до приезда скорых. Макс помогал в перевязке... Скорые приехали. Потом, когда инспектора ГБДД начали заниматься аварией, искать свидетелей, надо было незаметно исчезнуть. Вот-вот обнаружат следы перестрелки, и нарисуется очень странная картина происшествия. А еще след в Сестрорецке, и авария на мосту. Скоро, скоро, подтянутся службы посеребреней.

Бандиты не появились, что-то их остановило. Шуму, что ли, много наделали. Хорошо, что форд стоял в отдалении, за поворотом. В общей неразберихе и образовавшейся ночной пробке им удалось отъехать незаметно, свернуть на первый же проселок. Через десяток километров, в сумерках белой ночи, на границе поля и леса они остановились. Долго молчали.

Нарушил молчание Макс.

— Я пойду, пожалуй. Что-то я такое почувствовал... Ситуация вся эта, все, что с тобой происходит. Непростое, что-то не так... Не могу толком объяснить. Ты правду сказал – необычный день... Короче, сейчас мне идти надо к своим. Тебе – тоже.

Тин молча кивнул. «У меня своих нет», – подумал он.

Макс продолжил:

— Ты мне на самом деле жизнь спас. За мной должок. Может, встретимся потом, расскажешь, что это было? Короче, номер мобилы скажи.

Тин проговорил номер. В оглушительной тишине неожиданно резко и странно заверещал звонок мобильника и стих.

— Когда надо будет, наберешь. Бывай! – Макс вышел из машины и растворился в ночной сырости и полосах тумана, выползавших с поля.

Тин долго сидел неподвижно. Ночь тянулась без конца. Не было звезд в небе, луны, не было ветра, и не лаяли в вдалеке собаки. Мертвая тишина.

Наконец он пошевелился, хотя шевелится не хотелось. Чувства умерли. Осталась пустая воля, которая подсказывала рациональные и своевременные действия. Он заглянул в навигатор. Разобравшись с маршрутом, двинулся в сторону финской границы. Машину следовало надежно спрятать и выбрать дальнейший маршрут.

Безмятежный взгляд на небеса

Место и время не определяется.

Она смотрела на звезды днем и в белую ночь. В их рисунке давно не было изменений. Небесный рисунок созвездий – единственное, что не скучно наблюдать. Но и не забавно, не смешно. Не встречается смешных галактик. Ну, пожалуй, та... слева и вверху от Юпитера. Облачные поля без тени проплывали внутри ее взора. Беспречно и безмысленно она утонула взглядом в переливах Млечного Пути. «Он, как драгоценное украшение работы Фаберже». Откуда пришла эта мысль? «Фаберже». Откуда она знает это слово?

Какое-то ничтожно малое, меньше чем мимолетное ощущение вдруг привлекло ее внимание. Вид Евразийского материка был обычен, умеренно скрыт тучами. На его фоне с краю – как будто она смотрела фасетчатыми глазами, как у стрекозы – один из миллионов зрячих кристаллов вдруг приблизил картинку. Она увидела ленту извилистого шоссе среди леса и на одном из его поворотов мгновение перед аварией. Две легковые машины летели в лоб грузовика, а сзади вот-вот в него врежется автобус. Она не знала названий этих бессмысленных вещей и событий. Они не интересовали ее. Некий смутный смысл был откуда-то известен.

Странно, что столь малая крупица пространства и времени выделилась в ее сознании. И, собственно, что из этого. Всякое бывает. Увеличенная картинка уже исчезала, когда в первой машине, летевшей навстречу грузовику, она разглядела как будто золотую искру, и ей не захотелось вдруг, чтобы эта машина разбилась.

Машина проскочила мимо грузовика по обочине. Она взглянула на звезды, и все забылось тут же. Только от золотой искры сохранилась тень мимолетного вспоминания: как будто что-то такое было.

Эпизод 3. Каникулы

Назначение жертвы. Год 2011

25.05.2011 года.

– Ты понял тогда что-то о Дикой охоте? – спрашивает Вирджи.

– Да, еще в самый первый раз.

Тин вспоминает, как переворачивался автобус, как ощутил он невыносимую боль умиравших рядом людей и так же невыносимо вспыхнувшую мысль: это было неизбежно.

– Тогда я понял все. Аура зла исчезла. Продолжения не будет. Я осознал, зачем нужна была эта сумасшедшая охота. Я понял, что было нужно, чтобы она завершилась. Нужна была жертва.

В тот день я вмешался в судьбы тысяч, десятков тысяч людей, избавил их от неминуемой гибели. Но такое вмешательство не может пройти бесследно. Я использовал свою силу и, следовательно, взял гибельную судьбу этих людей на себя. Теперь нужно было заплатить за это своей жизнью или принести жертву. За мной охотились не враги, а сама судьба. Я разорвал ткань предписанного потока событий, и вся сила разорванных связей, все зло гибельных причин и следствий замкнулось на мне, создавая новый, безумный, бессмысленный сюжет убийства новоявленного «героя».

Грубое прямолинейное вмешательство… самонадеянный поступок. – Тин прищурился. – Подобное не прощается в мире магов. Мне пришлось бороться, точнее, уворачиваться от этого потока. Как можно бороться с асфальтовым катком? Остановить такую силу могла только жертва. И она была принесена.

Первая жертва: смерть убийц в подворотне на время остановила охоту. Затем еще десяток невинных душ, не меньше – и закрыты счета. Все оплачено. Я отчетливо чувствовал тогда, что аура зла ушла совсем. Она присутствовала все время, пока продолжались погоня и перестрелки. А затем, после аварии возникло чистое пустое пространство. Охота завершилась.

Он помолчал и потом добавил:

– Арифметически все не так уж плохо и, возможно, справедливо. Вместо уничтожения поселков и городов, смерть десятка пассажиров автобуса, ну еще нескольких бандитов. Но арифметика здесь ни при чем, и логика ни при чем. Не я выбирал между своей гибелью и принесением жертвы. Получилось как получилось. И я так и остаюсь в этой точке, в этом мгновении выбора, который не могу сделать сам: каждый раз повторяется одно и то же.

Тин и Вирга сидят на террасе ее квартиры. Стеклянная дверь в комнату распахнута, и органзы ветром выдувают наружу. Внизу и перед глазами скаты, гребни, ступени ржавых и блестящих цинковые крыши. Над городом начинают клубиться сиреневые сумерки. Прошло пять дней после схватки с собаками, и Тин только что закончил рассказ о первой своей встрече с Дикой охотой. Они молча смотрят вдаль на оранжевую, фуксиновую, одновременно сиреневую и розовую полосу заката: смешение таких цветов возможны только в этом городе.

Долго молчат, не шевелятся. Потом Вирга почти беззвучно разжимает губы.

– Тин, ты кто?

Разбор полетов

25.05.2011 года.

Три дня она отходила от нервного шока и удара. Почти не поднималась с постели. Тин ставил иголки, давал тибетские пиллюли странного вкуса, буквально накачивающие энергией:

все тело начинало гудеть, и как будто муравьи ползали под кожей. В эти дни они не о чем важном не говорили. Только то, что нужно делать сейчас. Принять лекарство, поесть... Он почти не покидал ее дома.

На четвертый день Вирга как-то резко, будто выключателем щелкнули, пришла в себя. Сразу занялась делами, заметила, какой Тин осунувшийся и усталый. Стала задавать вопросы. Для начала он рассказал ей, как завершилась история их последних приключений.

После драки, когда с псами было покончено и портал закрылся, Тин заметил Вирджи. Она лежала без сознания на асфальте. Охота остановилась и возникла пауза для Тина необычная: смертей не было, и аура зла не исчезла. Сработало что-то другое, но в тот момент было важно только то, что есть передышка, пусть и ненадолго. Он понял, что Вирджи как-то вмешалась в ситуацию. Возможно, она «зацепила» охоту и тоже стала для нее дичью. Прежде, во время охоты он старался как можно быстрее расстаться со спутниками, чтобы не подвергать их опасности. Теперь до конца надо было идти вместе: они стали двойной мишенью. Очень неприятная мысль.

Тин ожидал особенно ожесточенного и длительного преследования. Но случилось иначе. Он отнес Вирджи в машину и двинул в путь, выбирая наиболее безопасный маршрут. Они не успели далеко отъехать. Охота завершилась на пустынной улице, идущей вдоль полосы отчуждения. С одной стороны заводские корпуса, с другой кривой забор из бетонных плит, местами в дырах. За забором виделись железнодорожные постройки, депо, отцепленные вагоны и пустые грузовые платформы. Тин заметил на запасном пути состав с зачехленной военной техникой, и в этот момент неожиданно ближайшую прореху в заборе протаранил БТР. Слепой безглазой мордой он будто уставился на маленький бордовый Пежо и с ревом рванул вперед, чтобы раскатать его по асфальту. Тин попытался увернуться, но тут на встречной, ближней к железной дороге полосе, показалась машина. Какой-то старенький фольксваген выскочил из-за поворота прямо под колеса БТР. Тот взлетел на покатый капот, смял кабину машины. Через стекло мелькнули искаженные лица. От столкновения БТР сам перевернулся. Почти сразу глухо ухнуло у него внутри, загорелось. Огонь Тин увидел мельком, уже в зеркале заднего вида. Аура зла исчезла. Больше ничего не случится.

Не останавливаясь, он вызвал скорую на место аварии. Еще один финал. Он опять жив, и, как всегда, погибли люди. Каждый раз его терзало мерзкое отвратительное чувство, что кто-то платит по его счетам. Он отвез Виргу домой, использовал для ее восстановления методы тибетской медицины. Пожалуй, все.

В тот день многое было необычно. Первое: он не понимал ситуации с псами – что-то из области фантастики. До сих пор проявления Дикой охоты были совершенно реалистичными: стрельба, аварии, драки и т. п. Все в контексте физической реальности, без чудес и фэнтези, несмотря на мистическое имя, которое Тин дал странному явлению. В этот раз все было не так. Второе: почему псы вдруг исчезли? Они явно брали его измором. Он был сильнее каждой группы в отдельности, но они долго атаковали свора за сворой, и этому не видно было конца. Потом вдруг все прекратилось и как-то совпало с появлением Вирджи. Еще он почувствовал специфический незнакомый импульс силы, когда портал с собаками схлопнулся.

Тин вопросительно посмотрел на нее, будто предлагая ответить. Вирга внимательно слушала. Впитывала каждое его слово. И тут заговорила. Она знает ответ... отчасти. Псы – существа из мира сновиденья. Они по непонятной причине прорвались из мира сна в реальность. Почему это могло случиться, она не знает. Связь с миром сновиденья оборвала она, так же, как обычно прерывает опасный сюжет во сне. Но энергия, освободившаяся от разрыва связи, была так велика, что ударила ее, как кувалдой. Далее она ничего не помнит.

Тин слушал очень внимательно, со странным выражением лица. Долго молчал, потом присел перед ней на корточки. Взял за руки, заглянул в глаза, и спросил:

– Вирга, а кто же ты?

Сон. Свидание.

26.05.2011 года.

Больше они в этот день не говорили.

Тин все эти дни покидал дом только по необходимости. Но тут, когда Вирга совсем поправилась, он уехал к себе, а ей ночью приснился сон.

Сон впорхнул в открытую балконную дверь с ароматом сирени лучом лунного серебра. Бывает такой незаметный переход за грань реальности, когда она во сне, уже не вспомнить, как ложилась и в какой момент уснула.

Она сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в проем балконной двери. Рядом с дверью на окне покачивалась прозрачная тюлевая занавесь. Ее заворожили тени кленовых листьев. Они шевелились, образуя различные фигуры, в просветах между ними поблескивал лунный диск. Мелькнула мысль, что сейчас, во сне это не ее дом: там не могло быть за окнами кленов. Но она эту мысль отогнала.

Вдруг на балконе появилась еще одна тень, бесшумная и большая. В комнату вошел Тин. Он был почему-то в смокинге и с белыми лилиями в руке. Она не удивилась совсем, обрадовалась. Здесь не было масок, сомнений, двойственных мыслей. Вирга просто потянулась к нему всем своим существом, не пошевелившись. Волна этого внутреннего движения, видимая, похожая на морскую пену, прокатилась через всю комнату, накрыла, обняла со всех сторон его темную фигуру. Тин ощущил прикосновение и окунулся в него. Тело его в ответ зажглось жемчужно-солнечным сиянием. Они соединились, слились до того, как прикоснулись другу к другу – два потока энергии. Соединение было трепетным и острым, как электрический разряд. Дыхание замерло на мгновенье. Они без слов шагнули навстречу.

Потом ночь долго, до самого рассвета переливалась волнами тьмы и лунного света в пространстве между немых стен. Большего не сказать, потому что не было границы тела, не было границы между телами. Все растворилось, но не исчезло, а стало непрерывной замершей вечно длящейся нотой, скользящей по самому краю бездны безумной экстазичной волной.

Рассвет был волшебным и пустым. Ни секунды ночи не забылась, но вспомнить было совершенно нечего. Виргиния лежала с открытыми глазами на перевернутой, как после бури, постели, лежала одна. Но это было совершенно неважно.

Из дневника. Реплика.

26.05.2011 года.

На этот раз я попал в ее сон и помню его детально. Но описывать не хочется. Я не нобелевский лауреат по литературе, не Набоков и не Бунин. Да и писать тут не о чем.

…Черт! Если у нее все сны такие, то лучше я поселюсь в них, чем жить в этой убогой реальности.

На сегодня – все.

Каникулы

Свидание, случившееся во сне, на следующий день волшебным образом повторилась в реальном мире. А разве могло быть иначе?

Дальше протянулись дни, похожие на пустынную майскую улицу, залитую солнцем, когда голые ветки деревьев нарисованы солнечным светом, чуть зеленеют недавно причесанные газоны, когда чувствуешь себя опустошенным после долгой зимней тьмы, но уже пронизывают весенние токи земли, и пьянят воздух. Томишься, будто от безделья, но на самом деле от

того, что за первым же попавшимся поворотом вся жизнь может вывернуться, как перчатка, наизнанку, от случайной встречи.

Но ведь действительно завершался май. Им казалось, что они все время проводят вместе. Тин был не занят. Виргиния просто не замечала и не помнила всего, что не касалось их встреч. Дни тянулись, как один бесконечно длинный, казалось, ничем не заполненный, кроме как остановившимся временем, солнцем, слитным молчанием и редкими словами.

Они бродили по прозрачным холодным скверам с голубыми тенями на причесанных серых газонах. Тугой ветер с Невы ударял в лицо и полоскал одежду. Часами сидели в кафе, болтая ни о чем, смеялись просто так.... Глухой синей ночью неслись по пустынным шоссе, чтобы заночевать в далеких безлюдных отелях на берегу Финского залива. Утром возвращались в город, и все начиналось сначала.

Жизнь никуда не текла. Она бежала по кругу, как детская праздничная карусель с разрисованными игрушечными зверями. Мир был ярок, умыт и прозрачен по весеннему. Он был холоден и чист. Непрерывное легкое опьянение. Головокружение от чистоты воздуха и высоты неба. Безвременная жизнь с последними островками льда в реке, теплым солнцем, томлением похожим на усталость и лень одновременно.

Несколько недель прошли в непрерывном забытьи. Далее оно продолжалось, но в нем появилось представления о времени, других людях, делах. Стечение обстоятельств, благоприятная судьба, каникулы от жизненных проблем и опасностей. Сама реальность взяла паузу – новых видений катастроф не было и значимых дел, и знакомые все куда-то подевались...

Начиналось лето.

Прошлое Тина

28.06.2011 года.

Был теплый июньский вечер. Тин и Виргиния сидели на плоском гранитном монолите. Формой и гладкой поверхностью он походил на спину небольшого кита, до половины погруженного в воду. Сзади почти в ряд выстроилась небольшая сосновая роща с вросшими в седой мох валунами, за ней виднелась поляна, защищенная от ветра каменным гребнем.

Рано утром они пришли на небольшой тридцатишестифутовой яхте сюда на островок, спрятанный в шхере близ большого острова Путсаари. Яхту летом на Ладоге держал приятель Тина. Он дал ее на несколько дней. На поляне разбили лагерь. Поставили палатку с тентом. Сложили очаг из камней. Ветра не было. Атласная белесая вода не шевелилась. На камнях в воде стояли неподвижные чайки. Без дрожи отражались в водной глади каменные лбы, медные частоколы сосен и темная хвоя. Начинало краснеть небо на краю озера над темными полосками дальних островов.

Хотелось покоя и тишины, продлевать каникулы до бесконечности, оставаться в таком месте надолго, все забыть. Но они приехали не только за этим. Там, на полянке догорал брошенный костер, а Тин говорил, не отрывая глаз от воды. У него давно вошло в привычку прокручивать раз за разом события последних лет. Теперь он пользовался возможностью, у него, наконец, появился собеседник.

Начала Вирджи.

– Я думаю... знаешь, мы почти не рассказывали друг другу о прежней своей жизни, почти ничего.

– Разве это так важно?

– Мне кажется, да. Как раз теперь, ...

– Может быть, не сегодня?

– А когда? Завтра, через тридцать лет? Я, например, не знаю даже твоего возраста.

– А сколько дашь? – спросил он, как бы предлагая игру. Его забавлял разговор о возрасте.

– Ну, двадцать семь, двадцать восемь. Мне кажется, я старше. – Она отнеслась к вопросу серьезно.

Тин рассмеялся.

– Все ошибаются одинаково. Ровно на десятку больше.

Вирджи посмотрела на него с недоверием.

– Не врешь?

– Я хорошо сохранился.

Из – за шутливого тона Тин, похоже, решился рассказывать.

– Много практиковал йогу и цигун, но дело не только в этом, – он сделал паузу и задумчиво посмотрел на волну, играющую у камня. – Мое основное занятие по жизни изучение древних духовных традиций. Я посвящаю этому все свое свободное время, много путешествую и даже профессии выбрал, подходящие для такой жизни: например, психолог-тренер, другая – архитектор, историк архитектуры, третья – врач-рефлексотерапевт… Для меня профессия что-то вроде игры или легенды для шпиона.

Он точно взял интонацию воспоминаний. Вирджи уже через минуту слушала его так, будто погрузилась в грезу.

– Все началось в с восточных единоборств и рукопашного боя. Я занимался ими с семи лет. Не сразу, но выбрал стиль кунг-фу Вин Чун, жесткий и прагматичный. В некоторых странах Европы его приравнивают к использованию холодного оружия. Как оказалось, лучшие школы в наше время работают не в Китае, а в Германии. Я учился и там, и там. В Гайдельберге познакомился с… не буду называть пока его имя. Мы учились у Леун Тинга и Кейта Керншпехта, ездили по миру и стали друзьями. В девяностые он был лучшим, но совершенно неизвестным широкой публике бойцом Европы. В девяностые он вернулся в Россию, открыл филиал академии и одновременно охранное предприятие. Через четыре года исчез, считается, что погиб при невыясненных обстоятельствах.

Тин оглянулся на Вирджи. Она как будто встрепенулась и прислушивалась к чему-то дополнительно внутри себя.

– Но это я отвлекся, – Тин будто отодвинул дополнительный сюжет. – Как известно, кунг-фу развивает не только тело. Многие искатели чудесного, мои ровесники начинали с «рукопашки» и затем ушли кто в йогу, кто в цигун, кто в практики медитации. Но я жадный: Вин Чун не бросил, не бросаю и сейчас. Техники боя активизировали энергетические потоки, открыли мистическое восприятие, и в мире боевых искусств мне стало тесно.

Жажда знаний заставляла меня искать источники и учителей. Далее, путь лежал в Индию: в Ришикеш, Харидвар, Аруначалу, Тиранваннамалай и другие духовные центры йоги и медитации. Обычно в некотором отдалении от многолюдных ашрамов, мест паломничества и поклонения святыням, можно найти какое-нибудь тихое труднодоступное место, в котором живет настоящий мастер, и несколько учеников при нем. Они, что называется, «не светятся». Поклонение толп – докучное и бессмысленное явление.

Я изучал практики расширения сознания и медитацию, Аюрведу, затем техники буддистской школы Кагью в горах Северной Индии.

– В долине Кулу? – как будто из сна спросила Вирджи.

– Дармасала, долина Кулу? – он как будто задал вопрос сам себе, и ответил. – Резиденция Далай Ламы, центры тибетской медицины: это на поверхности, для туристов и музыкантов. За откровением нужно забраться повыше. Обучение продолжилось в горных монастырях Непала и Тибета. К колдунам секты Бон и мастерам Дзогчен пришло подниматься выше. Изучать акупунктуру, даосскую йогу и тибетскую медицину отправился на Юг Китая. В закрытых монастырях Бирмы, мне открыли таинства управления сексуальной энергией. Это была необычная, неизвестная на Западе ветвь традиции, соединившей даосскую йогу и тантру.

Тин рассказывал отрешенно, как будто не свою историю, глядя куда-то вдаль, в сторону горизонта. Он как будто пытался рассмотреть там свое прошлое.

– Затем пришло понимание, что далее прятаться от жизни в монастырях и на горных вершинах бессмысленно. Пришло время практиковать в гуще событий, принять современный мир и современного человека таким, как он есть. А это, прежде всего, путь суфия. Суфийские учителя в Конье, в Турции, дервиши Узбекистана, бурятские и алтайские шаманы. И был еще один православный старец на острове. Он сказал мне, может быть, самое главное...

Тин пошевелился, оторвался взглядом от горизонта, и посмотрел на Вирджи. Увидел ее, завороженную рассказом, и продолжил так же отвлеченно. – Практика суфииев «на базаре жизни» привела меня в бизнес. Упражнения и медитация не дадут понять, чего ты стоишь, не предоставят ситуаций, в которой ты должен идти до конца и поставить на кон все, что у тебя есть. Даже спарринг или экстрим – только спортивное испытание. В них всегда есть элемент игры, условности, правила и ограничения.

Бизнес сегодня это воинское искусство. Там надо выжить, в том числе и физически, можно понять истинную природу людей и цену отношений. Я выжил, понял, и даже преуспел. Попутно решил задачу финансовой независимости и выучил правила социальной игры...

Он опять обернулся. Виржи смотрела на него и улыбалась. В глазах ее, казалось, колышется жемчужная поверхность озера.

– Я учусь непрерывно, всю жизнь. В этом мой смысл. Можно говорить о просветлении, бессмертии, истине, сверхъестественных силах. Не думаю, что я гоняюсь за этим или чем-нибудь еще. Мне просто интересно. Мне нравится так проводить время.

Может быть, я странствую в поисках свободы или уже нашел ее. Свобода – то, что меня интересует. Я свободен так, как может быть свободен человек. Живу той жизнью, которой хочу, где хочу, не чувствуя ограничений, обстоятельств. Правда, иногда меня посещает мысль, что полная, абсолютная свобода возможна только за пределами физического тела. Но это уже, скажем, философия, а я не философ.

У меня нет ни учителей, ни учеников. Знания, собранные мной, уникальны. Но я не делясь ими в том виде, в котором получил. Никому сегодня столько не нужно. Я извлекаю из тайного опыта древних маленькие кусочки, переделываю их так, чтобы они стали похожи на современные психотехники, и делаю из этого тренинги. Развитие, здоровье, избавление от проблемы... «Тачаю сапоги, точу ножи, ножницы, шарманка, шарманка... вот сметана: густая, густая...» Короче, торгую духовным антиквариатом на базаре жизни. Это сегодня мое основное занятие.

Свои жизненные сюжеты я выстраиваю не так, как обычно: карьера, реклама, связи, бизнес, престиж. Все это бег вверх по эскалатору, который едет вниз. Существуют другие пути, чтобы получать результат и при этом оставаться независимым от других. Это отдельный разговор. Как-нибудь расскажу, как это делается.

Тин замолчал и усмехнулся.

– «Так летела на крыльях свободы моя, как я теперь понимаю, слегка суперменская жизнь...», – вдруг продекламировал он. – Красивая фраза? Я когда-то так в дневнике написал. Сейчас... Сейчас фокус в том, что все изменилось. Все изменилось, когда появилась Дикая охота.

Ожидание?

Место и время не определяется.

– Она чего-то ждет?

– Нет. Для нее понятие «ждать» не имеет смысла.

– Она тебя как-то называет?

– Если бы нам нужна была речь, она бы выбрала самое короткое имя. Возможно она называла бы меня У.

– Просто У?

– А что в этом плохого?

– Говорят, что скоро может начаться большая война.

–

– Это так?

– Несущественный вопрос...

– Как она?

– Сматривает в небо.

– Ты всегда говоришь одно и то же.

– Если бы ты тысячу лет меня спрашивал об этом каждый день, я отвечал бы то же самое.

– Она смотрит на облака?

– В каком-то смысле. Скорей она смотрит на галактики... так же, как ты смотришь на облака.

– И что?

– Если тысячу лет неподвижным взглядом смотреть на плавущие облака... можно привыкнуть к мысли, что времени не существует.

– Мне это трудно представить. И еще не представить то, как бы я жил с мыслью, что времени нет.

– А его действительно нет.

Подарок места силы

29.06.2011 года.

Утром они отправились на тузике, маленькой надувной лодке с мотором, обследовать соседние острова. Яхта не очень подходит для таких прогулок. Зато на крыше надстройки принайтовано малое транспортное средство как раз на такой случай.

Тин выбрал длинную широкую протоку. Открытая, сияющая солнцем Ладога осталась за кормой. Свежий ветер, волна, расплавленные искры на воде еще сопровождали их некоторое время. Потом они углубились в узкие ответвления, карманы, спрятавшиеся среди гранитных гребней и лесов заливчики.

Здесь были места тихие и потаенные. Темная вода, угловатые сломы скал, сизые каменные стенки со мхом и корнями – они уходили вертикально в холодную глубину, полосы глухого леса. Везде тень и прохлада. Таинственный и запутанный лабиринт. Мелькнуло сожаление, что они в такой день оставили открытое пространство. Но загадочность, извилистость нескончаемых коридоров, открывающиеся неожиданно бухточки, затоны или причудливой формы камни заманивали их все дальше.

В какой-то момент лодка повернула в очередной пролив, и Вирджи увидела за редким строем сосен каменный гребень, перед ним круглую бухту с песчаным пляжем и скалой. Скала, казалась, дышала прозрачной узорной тенью и солнечными пятнами. Она поднималась над молодой рощей, а сбоку близко к вершине замерла могучая искривленная ветрами сосна. Вирджи указала на бухту рукой:

– Смотри!

– Тебе понравилось? – спросил Тин.

Она кивнула.

– Давай подойдем!

Через узкую изогнутую протоку они проникли в бухточку. Она действительно была хороша. Нетронутый песчаный пляж, отчего-то синяя вода под скалой, и обступающие ступенями амфитеатра гранитные полки с молодыми деревьями.

Они с полчаса уже шли на веслах, и тишина казалась хрустальной.

– Да, здесь хорошо, – обернулась к Тину Вирджи.

– Тебе не просто понравилось это место. Оно притянуло тебя, – Тин улыбнулся, ей показалось – загадочно.

– Да? Ты о чем?

– Это место силы, и оно позвало тебя. Можно сказать, вы понравились друг другу.

– Какая разница, кто кому понравился? Давай искупаемся.

– Искупаемся, конечно. Разница в том, что в таком месте не стоит вести себя как попало.

Возможно, оно что-то хочет сказать тебе. Этим не стоит пренебрегать.

Вирджи, захваченная настроением бухты, наконец обратила внимание на его слова. Она чувствовала себя растворенной в этом пространстве, и ей не хотелось размышлений, ничего серьезного. Но в том, что сказал Тин, серьезного не было. Угадывалась игра, новая загадка.

– И что же нужно делать? – лукаво спросила она. – Я не чувствую ничего особенного.

– То, что ты чувствуешь, и есть настроение места. Я покажу, как подружиться с ним.

Посмотрим, может быть, оно нам сделает подарок.

Вирджи угадала: это была игра.

– Давай тогда, веди, Сусанин!

Они причалили и вытащили лодку на песок.

– Смотри, я как бы превращаюсь в локатор, – Тин «повел». – Стараюсь воспринимать все сразу. Не фокусируюсь ни на чем, не анализирую. Стараюсь увидеть и почувствовать настроение места, его энергетические поля. Одновременно я наблюдаю за складками почвы, расположением камней и деревьев, за тем, как они проявляются. Например, куда подует ветер, как качнутся ветки и их тени. Так место говорит мне, что делать.

– А камни тоже говорят?

– Да, говорят, но о них потом. Ты видишь потоки энергии и настроения?

– Потоки… не очень, – призналась Вирджи.

– Тогда попробуй встроиться в мое восприятие, как бы присоединиться.

Вирджи сделала какое-то внутренне движение, не совсем ей понятное, и вдруг увидела мелькающие среди стволов нити, похожие на лучи солнца. Они иногда сливались с бликами и тенями, порой их было не различить. Одновременно вместо непонятной эйфории, приподнятого настроения, она вдруг ощутила, что пространство вокруг наполнено какой-то суро-вой нежностью, и это чувство обращено к ней. Оно было отчетливым, сильным, разливалось вокруг. У него не было фокуса, центра – странно. На фоне этого чувства она видела, как радуются теплу маленькие растения: ростки черники, и неизвестно откуда взявшейся куст бузины. Они видела их радость глазами. Их чувства были похожи на искры солнца в воде. Нежность леса и скал была обращена к ней. Лес безмятежно и чувственно тянулся к ней, казалось, деревья пытаются гладить ее своими ветками.

Она увидела, что световые нити собираются в одной точке, и заметила вдруг сразу за пляжем, на краю рощи небольшую полянку, очень странную, покрытую тонкой травой, ровную, будто нарисованную циркулем. В центре травяного круга, казалось, стоял язык золотистого пламени ростом почти с человека. Он слегка подрагивал и звал ее – подойди. Вирджи сделала несколько шагов к нему, и, как только ступила на траву, волна ослепляющих чувств охватила ее. Она сделал еще шаг и притронулась к пламенной энергии. Невыразимое желание любить и слиться со всем, что есть рядом, затопила все ее существо. До остановки пульса, до дрожи она хотела соединиться с чем-то столь же любящим и любимым. Тин был рядом. Она обернулась

к нему с какими-то беспомощными ранеными сияющими глазами и увидела напротив такой же взгляд.

– Иди сюда, – прошептала она одними губами.

Ближе к вечеру они вышли на берег к лодке и сразу погрузились в прохладную воду. Поплыли лениво, казалось, сами текли, как вода вдоль берега вместе с течением, ощущая прикосновение каждой волны. Скоро вылезли на берег, не вытираясь, обсохли, молча глядя в светлое еще небо. Мыслей не было.

«Костер и чаю», – первое, что сказала себе Вирга, и увидела, что Тин будто услышал ее мысли, посмотрел на нее вопросительно. Поняла – нет, не надо.

Вслух произнесла:

– Пора, наверное? Давай уплывем отсюда.

Про себя добавила: «Здесь, сейчас все равно невозможно что-то делать… И сил потом не будет уплыть». Поняла, что Тин опять услышал и непроизнесенные слова, оделся и молча стал собирать лодку. Уже отвязывая ее, он сказал:

– Попрошайся с местом, иначе оно не отпустит тебя. Поблагодари его и обещай, что обязательно вернешься. Оно сделало нам драгоценный подарок.

О ритуалах и местах силы

30.06.2011 года.

Следующий день они провели на своем острове. Загорали, смотрели на проплывающие облака, с длинными паузами возвращались к одному и тому же разговору.

Тин лежал на спине, заложив руки за голову, и неотрывно следил за тучкой, похожей на ящерицу. «Опять думает о своей войне, – поняла Вирджи. – Даже здесь не может полностью забыть. Хорошо, что он способен переключаться почти мгновенно… Он совершенно необычный во всем. Однако… Что бы он при этом о себе ни думал, ему нужна поддержка. Проблема в том, что предложения помочь Тин воспринимает как жалость, а жалости к себе не выносит».

Вирджи смотрела на него так же, как он смотрел на облака.

Она попыталась его отвлечь.

– Там, вчера на острове. Кроме всего… в какой-то момент я еще стала как бы всем островом. Знаешь, весь остров, который тает, с ума сходит от чувственного наслаждения: каждая травинка, каждая птица, лужица с прошлогодними листьями. Такое странное чувство.

– Я знаю, – ответил Тин, все так же глядя в небо. – Не ты была, мы вместе были… островом. Это было расширение сознания… То место хотело любви.

Он неожиданно повернулся к ней, и она увидела: смотрит на нее так же как вчера, готов прыгнуть вместе с ней в ту же бездну снова. Но она поняла вдруг, что не должна уводить его сейчас от размышлений и вопросов. Сейчас время для них.

– Значит, это было место силы? – спросила она. – И это был его подарок?

– Да, это подарок места силы, – Тин мгновенно уловил смену ее настроения и, может быть, на большую глубину, чем она сама.

– Ты используешь место силы для ритуала? Наверное, как то по-другому, не так, как делали мы? – Она сам немного смущилась своего вопроса.

– Для разрушения воронки я использую ритуал. Обычно я провожу его один. – Он ответил отрешенно и задумался, что-то вспоминая.

Позже, когда они пили чай в тени старой сосны, Вирджи вернулась к разговору.

– Расскажи о ритуале, – как бы напомнила она.

– О ритуале? Он связан с местами силы.

Тин взглянул на нее так прямо, что она невольно потупила взор.

– И о местах силы, – она улыбнулась мягко, вновь преодолевая дрожь вчерашнего воспоминания.

Но в этот раз они не удержались среди слов. Не остановились на краю пропасти.

Странный день. Странное времяпрепровождение. Они могли сочетать волшебную лень, пляж и купание, мимолетные или неторопливые ласки с серьезными разговорами почти философского содержания. Ближе к вечеру еще раз искупались. Обсохли и согрелись на теплом плоском камне, плавно уходящем в воду.

– Ты о ритуале хотел рассказать, но не успел, – напомнила Вирджи, пожалуй, кокетливо.

– Ты права хочешь сейчас говорить о ритуале и местах силы?

– Сейчас?.. Да, – она томно опустила ресницы, играя с собой или с ним в игру, ей самой непонятную. Тин чуть улыбнулся в ответ.

– Что ж... Я говорил, что воронка катастрофы заряжена эмоциональной энергией миллионов, иногда сотен миллионов людей. Чтобы ее уничтожить, потенциал нужен не меньший. Одну часть дает место силы, другую ритуал.

– Ритуал? Я как-то скептически к этому отношусь, – Вирджи изобразила капризное настроение. – Знаешь, сейчас так много всяких сертифицированных магов, экстрасенсов. Все из книжек, силы никакой. Сплошной этнографический театр. Слово «ритуал» как-то пошло звучит на этом фоне.

– Ну да. Но мой ритуал настоящий. Я другого слова не нашел. Вообще, мощь его зависит от силы мага. И, в общем, по факту: у меня получается.

– Да маг ты реальный, не сертифицированный. Сама видела.

«Чушь несу, не могу переключиться», – рассердилась на себя Вирджи.

– Но ты говоришь: одну часть энергии дает место силы, другую ритуал. А ты сам разве не третья, главная часть?

– Да, конечно. Но это как бы «по умолчанию».

Минут пять они молча грелись на солнышке. Тин неожиданно продолжил сам.

– Не в этом суть. Даже все вместе: и место силы, и ритуал, и я сам со всеми своими потрохами – мы не можем перекрыть силу воронки. Не та весовая категория. В ней энергия другого масштаба.

Вирга распласталась голышом на теплом камне подставив солнцу спину. Задавая вопрос, она повернула в сторону Тина голову.

– Тогда как же у тебя получается?

Тин, опершись на локоть и надвинув тенниску на глаза, разглядывал еле заметную лодку на горизонте.

– Хороший вопрос... Но слишком серьезный для пляжа.

«Опять ушел от разговора», – подумала она.

К вечеру они устали лениться и почти сгорели на солнце. Тин взялся собрать дров, а Вирджи готовила ужин. После еды, в сумерках, отодвинувшись от костра, они смотрели на оранжевые языки пламени. Тин еще раз сам вернулся к разговору.

– Ты спрашивала, как у меня получается разрушить воронку.

– Да, – Вирджи, всей своей позой изображая лень, взглянула из-под прикрытых ресниц хищно, как кошка.

– Тогда что-то вроде школьного урока для начала.

– Значит, я школьница? – она потянулась томно.

Тин хмыкнул и продолжил учительским тоном:

– Воронку создает образ катастрофы, созданный фантазией творческих или политически и бизнес ангажированных людей. Далее ее эмоционально заряжает публика, миллионная толпа,

которая смотрит фильмы и выпуски новостей. Процесс материализации негативной мыслеформы идет по классической схеме, известной магической науке тысячи лет.

– Ну ты и зануда. Повторяешься, между прочем, – оценила вслух его интонацию Вирджи. Она продолжала играть, и настроение у нее сегодня было редкое, слегка стервозное. Тин опять не обратил на ее слова внимания.

– Способов разрушить магическую воронку существует немало. Основная проблема в мощности. Ее энергетический негативный заряд колоссален. Возьмем, к примеру, фильм «Гибель Японии». Он вышел в 1973 году. Его посмотрели сотни миллионов людей во всем мире. Недавно, пять лет назад вышел ремейк. Представляешь, как эта воронка заряжена? Она уже живет на тонком плане десятки лет. Повторная стимуляция. В результате 11 марта 2011 года мы получаем Фукусиму. Точь в точь кадры из нового фильма: землетрясение, цунами, тектонический разлом…

– И все-таки, как такой поток остановить в одиночку?

– Все равно, что лопатой сель… Для того, чтобы погасить его, нужен заряд, равный потенциалу сотен миллионов людей. Впрочем, я не получил «сообщения» о Фукусиме. Это тоже вопрос. Мне известно только о части катастроф. Приблизительно об одной десятой, даже меньше. Почему? Ответ, может, и прост, и связан, скорее всего, с количеством энергии. Фукусима, очевидно, мне не по силам.

Тин будто прислушался к себе, ушел вниманием внутрь.

– Костер сейчас потухнет, – прервала молчание Вирджи.

Она в флиске и бриджах мирно свернулась калачиком на туристическом коврике напротив, смотрела в огонь. «Он маг, а я сновидящая. Любой дурак будет думать, что я: курица, блондинка по духу, разомлела от солнышка и прочих кайфов и все проспала, – подумала она. – А я на самом деле в этом состоянии запомню каждое слово, каждую интонацию и даже малейшее движение его мысли и чувств… Как мне хорошо с ним», – сбилась она с мысли…

– Тин, костер потух!

– Не успеет, – Тин тенью скользнул к мерцающим углям. – Я думал, ты уснула.

– Индюк тоже… мыслил. Я сновидящая, – она села вдруг резко. Пружинно подвинулась к огню, и он увидел темные бездонные ее глаза.

– Рассказывай дальше… мальчиконка.

Тин хохотнул довольно.

– Вот это по-нашенски… «Узнаю брата Васю».

– По-нашенски это по-каковски?

– По-стalkerски, по-магически, по… воин-духовски, – Тин запутался в окончаниях, – Воин духа… то есть.

– Мальчик в детстве читал Кастанеду
Нынче союзник¹ им пообедал,

– пропела дразнилку Вирджи, и картино тяжело вздохнула, – Давай уж продолжай, воин духовки.

Ее стишок и последние слова развеселили Тина.

Игра с огнем

30.06.2011 года.

¹ Союзник – в дневниках Карлоса Кастанеды, дух с которым маг племени индейцев яки, после длительной борьбы заключает соглашение о сотрудничестве.

Они сели друг напротив друга у разгорающегося костра.

– Я просто хочу ситуацию последовательно описать, ничего не опуская. Чтобы вопросов не было, – объяснил Тин. – Для уничтожения воронки нужен дополнительный мощный источник энергии. Я решил использовать места силы. Их природа до конца не ясна. В каком-то смысле они похожи на биологически активные точки на теле человека, которые управляет работой энергетических каналов. Среди них попадаются невероятно мощные, способные усилить эффект медитации в тысячи раз.

Вирджи вспомнила свое место силы – травяной круг в бухте – и почувствовала, как мощь и глубина переживания уносит ее прочь. Ей пришлось сделать усилие, чтобы не потеряться в воспоминании. «Я знаю теперь об их истинной силе не понаслышке», – подумала она. Ей показалось, что она пропустила что-то. Но, похоже, ее отвлечение продолжалось долю секунды.

Тин и продолжал.

– Есть еще одна возможность. Можно использовать не просто медитацию, но построить магический ритуал, то есть создать резонансную цепь силы. Резонансная цепь: основа любой магии. Она возникает, если собрать в одном месте и в одно время энергию нескольких источников сходной природы и направить ее своим вниманием в цель. Тогда мощь потока возрастет многократно.

Предположим, я хочу использовать силу огня. Для этого нахожу место, заряженное огнем, развожу в этом месте костер, приглашая огонь, – Тин придвинулся к костру, – рисую вокруг костра символы огня, выбирая для этого время особой активности солнца и огненных планет. – Он быстро начертит рядом с пламенем несколько символов, – обращаясь лицом к югу, стороне огня, – он повернулся в сторону берега, – и главное: сам как бы становлюсь огнем в медитации. Затем, соединив все эти энергии в единый поток, я получаю всплеск силы и направляю его в цель.

Вирджи показалось вдруг, что от Тина прокатилась волна жара, а в глазах его заплясали языки пламени. Он направил сощуренный взгляд в сторону высокого пня на краю поляны, плавно, но стремительно выкинул в его сторону руку со странно сложенными пальцами. Пень сразу и неожиданно ярко вспыхнул, загорелся мощным высоким пламенем, как огромная свеча.

Виргу подбросило с места то ли от всплеска силы, то ли от неожиданности. Она не испугалась, но как будто сама зажглась огненной энергией. Опьяняенно посмотрела на Тина и увидела, как угасает на дне его зрачков тот ужасающее бездонный взгляд. Она сидела уже на корточках, будто готовая прыгнуть, и ждала чего-то, какого-то продолжения, будто порыва страсти. Но Тин зачерпнул кружкой воды из котелка, и сказал только: – Пить хочется от избытка жара.

Пень горел с гудением и треском, но управитель огня продолжил как ни в чем не бывало:

– Это только схема, но в принципе ритуал работает так. У него, кстати, та же основа, что и у воронки катастрофы: резонанс. У них сходный механизм действия.

Он что-то долго объяснял еще. Потом заметил, что Вирджи сидит напротив с закрытыми глазами, и ему вновь показалось, что она задремала. Он громко постучал рукояткой ножа о камень. Глаза Вирджи резко распахнулись. Они показались огромными и круглыми, как у хищной птицы. Они сияли желтым огнем.

– Не валяй дурака, – сказала она хрипло.

«Да, подруга!»… – подумал Тин. Он отчетливо представил крылья совы, прикрывающие ее плечи. А что, возможно! Заговорил дальше. – Даже построив ритуал в месте силы, я был почти уверен, что этого не хватит для разрушения воронки. Но другого варианта не было. Во время выполнения ритуала прошло три волны энергии. Первая от места силы, вторая от резонанса ритуала, и третья – загадочная самозваная волна неизвестной природы, которая появилась в самом конце и все решила. Ее мощь была немыслима. Мне казалось, что в этом я уже неучаствую. Она просто пришла из ниоткуда, стерла гибельное будущее так легко, как пена

морского прибоя слизывает отпечатки ног на песке. В момент ее прорыва все, что я успел сделать, – отпустить ее, снять контроль. Это только и спасло мне жизнь. Нельзя же ловить сачком для бабочек скорый поезд.

Он заметил опять, что глаза Вирджи закрыты, а лицо спящее. Но она тут же подняла веки.

– Стоп! – сказала резко. – Это, самое главное. Ты не знаешь о третей волне ничего!

Теперь она неотрывно смотрела на Тина, и ему стало неуютно под этим взглядом.

– Я ничего не знаю о ней, – ответил он.

Музыка поражения

30.06.2011 года.

Они надолго замолчали, слушая треск горящего пня. «Музыка поражения», – подумал Тин. Еще он увидел в Вирджи что-то совершенно новое, ему незнакомое. Она опять его удивляла. Это надо было понять.

– У меня нет ответа, – произнес он. – Я рассказал тебе все о ритуале и Дикой охоте. Но ответа у меня нет. Я рассказывал не для того, чтобы попросить помощи или сочувствия.

Мне нужно было это произнести вслух и близкому человеку для того, чтобы услышать ответ Реальности. Это тоже своего рода магия. Мир не слышит моего вопроса, заданного прямо ему. Но он не сможет не ответить, если спросить через того, кто в тебя верит. Я не использовал тебя, ты понимаешь. Тебе это нужно так же, как и мне. Так ты входишь в мир магов, и так мы становимся по-настоящему близки.

Ты помогла мне, насколько это вообще возможно. И я не хочу большего. Я бы не хотел большего твоего участия.

– Я понимаю. Ты все сделал правильно. – Голос Вирджи прозвучал звонко. – Я понимаю и принимаю все, кроме последней фразы. Теперь, это не тебе решать! – В ее голосе звенела сталь.

От ее ответа Тин взорвался.

– Я шесть лет провожу ритуал. В результате: сумасшедший выброс энергии, затем Дикая охота, гибель людей, и охота останавливается. Ничего не меняется, только сила воронки и жертвы. – Тин запнулся, странно на Виргус посмотрел… так, что ей стало не по себе. *«Не я выбирал между своей гибелью и принесением жертвы»*, – вспомнила Вирджи дословно, то что он говорил. – *«Получилось как получилось. И я так и остался в этой точке, в этом мгновенье выбора, который не могу сделать сам: каждый раз повторяется одно и то же»*.

Находиться несколько лет непрерывно на распутье: не сопротивляться и умереть – все закончится, а смерть снова будет накладывать лапу на целые города. Или оставаться жить, зная, что каждый раз кто-то волей случая вовлеченный в Дикову охоту заплатит за все своей жизнью. Ей стало холодно.

Тин отвернулся и долго смотрел на воду. Вирджи видела сбоку только жестко очертившиеся контуры скул и напряженную спину. Она не знала, что сейчас сказать. Он молчал долго, потом не поворачиваясь, произнес:

– Я не знаю, как остановить Дикову охоту.

Он обернулся. – Я каждый раз перед отвратительным выбором: умрет множество человек или несколько. – Тин на мгновение утратил спокойствие.

– Главное, нет конкретного врага, нет носителя зла! Это механический процесс, который заставляет людей и разные силы участвовать в охоте. Это как бы цепь случайностей, очень направленно выстроенная на мое уничтожение, на убийство с помощью чужой кармы. То, что нет конкретного врага, хуже всего. Как будто весь мир встает против тебя. У этого «врага» нет характера и привычек, поэтому его невозможно предугадать. Он непобедим, потому что его нет… Так продолжается год за годом, и это… тупик.

– В твоих последних словах звучит жалость к себе, – отрещенно произнесла Вирга. Она сидела, предельно выпрямившись. Резкие тени от костра сделали ее лицо хищным.

– Я знаю, – тихо ответил Тин.

Напоминая ему о жалости, Вирджи что-то ломала в себе. «Он просто боится за меня», – подумала она.

Потом ночью, когда они лежали рядом под открытым небом, она спросила: – Сколько раз была Дикая охота?

Он промолчал, и она так же молча потянулась к нему.

Отношение к диафрагме

Место и время не определяется.

– Она любит людей?

– Да, конечно.

– У меня тоже иногда есть ощущение, что она меня любит.

– Тебя? Нет, она любит всех людей. Она просто излучает, дарит, транслирует свою любовь всем людям сразу и все время. Не думаю, что она любит кого-то отдельно. Она любит всех. И тех, кто живет сейчас, и тех, кто жил во все времена. Скорее всего, она не отличает тех, кто жив, и тех, кто давно умер. Это неважно.

– Не отличает? Разве это любовь?

– Именно это. Все остальное – мысли о любви. Представления.

– И она не спасает, не выбирает тех, кто достоин, не решает, быть войне или миру?

– Конечно, нет. Войну или мир, заслуги, и то, кому жить, кому нет – вы выбираете сами.

Она только любит. А вы пользуетесь энергией ее любви, как вам вздумается. Как ты относишься к пальцам своей руки, например, или к своей диафрагме?

– Это часть меня.

– Ну вот.

– Что вот? Я не понял.

– Вот так она вас любит.

– Мне трудно понять, люблю ли я свою руку. Это что-то другое. Просто часть меня.

Значит мы просто часть ее?

– Сложный вопрос. На него нет однозначного простого ответа.

Вопросы и ответы

1.07.2011 года.

Вечерний разговор пробежал, как маленько облако по чистому небу. Его тень не заслонила солнечный водяной простор, синюю воду, чаек и ощущение счастья этих дней.

«Все-таки ему нельзя так много говорить о Дикой охоте, – подумала Вирджи. – Он, пожалуй, впервые вышел из равновесия».

На следующий день был хороший ветер, и они ушли на яхте ловить его в открытую Ладогу. Через пару часов оказались на траверзе протоки, которая привела их два дня назад к месту силы. Глядя на нее, оба вспомнили тот день, и Вирджи спросила: – Я о своем, о женском, – она улыбнулась. – Ты знал заранее, что так будет?

Тин понял сразу, о чем она спрашивает.

– Да, можно сказать, знал заранее. Но не я это придумал. Так предложило место силы.

– А то, что ты называешь третьей волной энергии, как в вашем ритуале, – было?

– Нет, этого не было. Иначе бы мы не вернулись с острова.

Они весь день наслаждались открытой водой, ветром и скоростью. Ушли далеко от берега, шхер и островов не было видно. Ближе к вечеру вернулись к неровной полосе земли и по дороге домой стали на якорную стоянку около скалистого мыса. Высадились на него и выбрали площадку высоко над водой. Слева уходил в сторону изрезанный берег. Рядом с ним в отдалении Вирга увидела несколько островов. Тин показал на один из них, высокий и обрывистый.

– Вот на том острове я провел первый ритуал.

– Может, поплыем туда, – Виржи смотрела на остров заворожено. Ей захотелось на нем оказаться. Она знала уже, что место силы позвало ее.

– Поплыем? – Тин задумался. Точнее, казалось, что он думает. Вирджи понимала, он запрашивает ответ у реальности.

– Нет, нам сейчас туда не надо, – произнес Тин после паузы. – Время еще не пришло.

Вирджи ничего не сказала, но с трудом согласилась с ответом. Он, успокаивая, положил ей руку на плечо.

– Правда, сейчас нам туда не надо.

– Ты только что показал, как откликаться на зов места силы, – она даже отстранилась чуть от него.

– Они всегда зовут, – мягко улыбнулся Тин. – Ты еще не знаешь всех правил игры, не знаешь, что она бывает опасной.

Вирджи также импульсивно прижалась лицом к его плечу. Он почувствовал ее нервную дрожь и обнял.

Она подняла на него глаза уже влажные.

– Я буду слушаться тебя в этих местах, – она улыбнулась сквозь слезы, понимая, что сейчас необычно эмоциональна и нервозна, и то, что она ничего пока не может с этим поделать.

– Это место так действует на меня? – спросила она.

– Да, – ответил Тин, – ничего страшного. Это даже хорошо, после города почувствовать себя живым человеком.

– А я что, не живая? – уже шутливо оттолкнула его.

Чуть позже Вирджи поймала нужное настроение: человека, который вышел на охоту, спокоен, внимательно и настороженно, но не нервожно ко всему приглядывается.

Они вскипятили чай и выпили его на мысу, продолжая взглядываться порой в туманные контуры острова.

– Мы наверняка еще вернемся туда, – сказал Тин.

– Давай еще поговорим об охоте и ритуале, – предложила Вирджи.

– Я думал, тебе уже надоели все эти разговоры, – засомневался Тин.

– Нет. Нет. Для меня это так же важно, как для тебя. Теперь я попробую сказать, что об этом думаю.

– Хорошо, – ответил Тин немного удивленно. Вирджи показалось, что он не очень рад ее предложению.

– Тебя беспокоят несколько вопросов, на которые нет ответа. Так? – начала она.

– Так.

– Давай я их назову. Как остановить охоту без жертв: раз. Почему существует избыточный выброс, и почему вообще ритуал удается: два. И, третье: почему ты узнаешь не обо всех катастрофах. Так?

– В принципе, так. Пожалуй, последнее мне понятно. Не обо всех катастрофах узнаю – я говорил – потому, что есть ситуации не моего масштаба, не моей компетенции. Это может быть «количество зла», для меня непосильное. Еще могут быть некоторые события не моего резонанса. Они в другой энергетической тональности, и сигнал от них до меня не доходит.

Мне кажется, я и не должен получать все «сообщения». Это невозможно для одного человека: охватывать постоянно все информационное поле Земли.

– Тин, а может быть, ты не один такой? Может быть, есть несколько охранителей мира на Земле, и у каждого своя, как ты говоришь, тональность? – скорее риторически спросила Вирджи.

– Я искал, но не нашел подобных. Много знаю людей своего круга. Но такого, как со мной, с ними не происходит... Все возможно, конечно.... – добавил он.

– Хорошо. Допустим, что так. Оставим два вопроса: о Дикой охоте и третей волне силы.

– И что?

– Ничего! Знаешь, несмотря на всю твою гениальность... – на слово «гениальность» Тин вскинулся. – Честно, я без кавычек я так думаю. – Вирджи обняла его. – Мне кажется, ты иногда шаблонно мыслишь и не в масштабе... что ли. Ты всегда смотришь на механику событий. То есть на механизм. Быстро расшифровал механизм охоты. Разработал методику ритуала. Все работает, и ты на этом уровне крутишься. Теперь пытаешься понять, откуда избыток энергии и как построить метод блокировки ритуала. Ты мыслишь, как автослесарь в мастерской: что к чему привинтить или отвинтить. В лучшем случае, как изобретатель. Не пытаешься стать философом, посмотреть на ситуацию с уровня максимального обобщения?

Тин слушал настороженно, даже недоверчиво.

– Пойми, Дикая охота это следствие, – Вирджи говорила, накаляясь. – Что же (или кто) тогда ее причина? Охота – следствие разрушения воронки. Воронка – следствие глупости и жадности тех, кто сделал кино или новости и кто все это посмотрел. Но то, что какие-то люди создали мыслеформу разрушения и зарядили ее, – тоже следствие. Ты все время борешься со следствиями, не находя причины. С симптомом, а не с болезнью. Как у Жванецкого: «Боремся с плесенью, вместо того, чтобы бороться с сыростью»!

Тин неожиданно рассмеялся. И этот смех оборвал ее эмоциональный запал.

– Ты что?

– Нечего. Хорошо сказано, – Тин был спокоен и ясен.

– Я знаю, что это следствие, но не могу найти причины, – ответил он просто. И от этого ответа Вирге стало его безумно жалко.

– Я пока не нашел ее, – продолжил Тин, – и буду делать дальше то, что делаю.

Он замолчал надолго, и Вирджи услышала, как шумят на ветру деревья.

– Создание коммерческого кино, новостей, общество рынка и потребления, в котором имеют значения только продажи, – тоже следствие, – продолжил он, – Я иногда думаю вот о чем: *почему в индивидуальной, частной жизни часто, по крайней мере иногда, побеждает добро, а в общественной – всегда побеждает зло?* – Он отчего-то выделил слова, видимо, для него важные. – Мне кажется здесь есть ниточка. Я смотрю на безумие людей, которые делают машины, чтобы освободиться от рутинного труда, а свободное время потом тратят на телевизор и игры в интернете. И думаю, почему они выбирают такой путь? На самом деле тоже общее место, банальный вопрос, следствие. В чем причина? Мне кажется, ставка высока очень, выше, чем мы себе представляем. Я что-то упускаю. Что-то важное, фундаментальное, в самом начале своих размышлений, в исходной точке поиска. Ответ должен быть каким-то совершенно иным. И он пока недоступен. Сейчас важно другое. Какое-нибудь действие, которое могло изменить ситуацию и открыть новое направление поиска. Это был бы шаг из тупика.

Вирга слушала его нетерпеливо.

– У меня есть предложение. Точнее, вопрос для начала. Откуда во время последней охоты взялись порталы сновиденья?

– Ну, да верно. Еще одна загадка. Я думал об этом. Но мне нечего сказать. О том, что это порталы сновиденья, я узнал от тебя. Я в этом вообще не разбираюсь. И мне не за что зацепиться.

— Это тебе не за что зацепиться. А я — сновидящая! И хочу тебе помочь, — она рассердилась. — Тогда еще один вопрос, извини: почему ты всегда все делаешь один?

След

Суматра. Паданг. 12.02.2007 года.

Он шел по следу, чувствовал его, как собака ощущает запах преследуемой дичи. Ему казалось, что он бежит изо всех сил в глянцевом черном пустом туннеле, бежит с чувством, похожим на ярость, и из этого туннеля видят солнечные улички с рядами домиков, плоские крыши, тележки с фруктами, тук-туки и всюду улыбающихся тамилов, батаков и яванцев.

На самом деле он быстрым, внешне спокойным шагом шел по тротуару, обходил неуклюжих лавочников, иногда спрашивал направление у прохожих. На большом перекрестке он взял тук-тук и подъехал пару километров в нужном направлении. Со стороны могло показаться, что он даже разглядывает витрины. В действительности Тина преследовала только одна мысль: я видел их живыми еще сегодня утром.

Николаса и Акселя расстреляли в маленьком кафе. Забегаловка в узком переулке. Просто прилавок и чаны с дешевой едой, несколько пластиковых столиков в тени под деревом. Столы и стулья были опрокинуты, прилавок разбит. Уличная пыль намокла то ли от соусов, то ли от крови. Их тел не было. Только следы, когда волочат тяжелое, и еще от колес. И гильзы в пыли.

Хозяева и даже зеваки разбежались. Расчетливого убийства не получилось. Здесь был бой. Он настроился и «раскрыл» пространство: увидел очень отчетливо, что произошло. Нападавшие — местная полиция. Почему? Вопрос неуместен... но все же. В их представлении Николас и Аксель были боевиками и курьерами наркокартеля. С торговлей наркотиками здесь строго. У них было разрешение не брать живыми, стрелять на поражение.

«Во всех этих ситуациях всегда много странного, необъяснимого», — с тоской подумал он. Ему-то как раз понятно, что происходит.

По факту: спецподразделение полиции устроило засаду. Атаковали с трех сторон, группами по четыре человека. Все были вооружены автоматами. Николас и Аксель сидели посередине небольшой площади, были как на ладони. У группы захвата не должно было быть проблем. Но они возникли — подготовка, рефлексы, реакция. Вот два белых человека, лениво развалившись рядом со столиком, пьют фреш и кофе. И вот, доля секунды: оба в длинном стелющимся прыжке вдоль земли выстрелили прицельно несколько раз, смогли перекатиться. Но не подняться. Они успели убить четверых и остались лежать в пыли. Деться было некуда. Совсем.

Они не могли почувствовать ауру Дикой охоты. Их некому было предупредить. — Ему хотелось завыть от невыносимой печали. Дикая ошеломляющая волна вины затопила все его существо. Ольга и Артем — двое, Николас и Аксель — четверо. И еще трое на островах, на дне океана. Всего семеро.

Тогда, чуть позже, он первый раз в жизни пережил чувство ослепляющей ярости.

Из дневника. О сновидении

1.07.2011 года.

Я давно не управлялся с яхтой. Эту звали «Нырок», и она была мне хорошо знакома. Мы стартовали от причала в Лахденпохья и взяли курс на Путсаари. Я знал маленький островок с ним рядом, очень славный, который отчего-то редко посещали. И к тому же там есть крохотная бухточка с глубокой водой — хорошая якорная стоянка.

У нас была неделя, она прошла восхитительно. Мы плавали по островам, купались, загорали. На ближние ходили на лодке. С погодой повезло. Легкий ветерок сдувал комаров и

мошку. Весь день пока было тепло и солнечно, мы бегали голышом, купались, загорали, целовались, как подростки, тонули – растворялись в объятиях. Находили для приступов любви новые места: то на маленьком золотом пляже, то на мху среди сосен, на мелководье, на соседнем островке. Все вокруг – природа, деревья, волны и чайки – как будто были вместе с нами, становились частью каждого нашего «впадывания в пропость»².

Мы растворялись в этом мире скал, воды и сосен. Редко бывало так тихо и хорошо…

С того первого свидания во сне мы превратились в детей, в подростков, окунувшихся в свои чувство. Время шло, и мы как бы взрослели. Опьянение друг другом не уменьшалось, но порой можно было его отодвинуть, и задуматься о будущем. Хотелось, требовалось уже заняться делом, теми вопросами, которые все равно не давали покоя. Они только отступили, спрятались на некоторое время. Мы оба знали, что хотим здесь на островах не только любви, но поиска ответов. «Теперь у нас общее будущее», – думал я не только с радостью, но и содроганием.

На второй или третий день я затеял первый разговор о Дикой охоте и ритуале. Вирджи меня неотрывно слушала. Это было здорово. Потом мы возвращались к этой теме еще несколько раз. Она все хотела понять, откуда берется сила для разрушения воронки. А я не мог этого объяснить. И еще я очень не хотел, чтобы она в этом всем участвовала. Знаю, чем все кончается. После дальней прогулки на яхте мы вернулись к тем же вопросам. И Вирга почти сразу начала рассказывать мне о сновидении.

О сновидении я знаю не много. От сна оно отличается в первую очередь тем, что ты знаешь, что спишь. То есть это не просто сон, а осознанная жизнь во сне. И при некотором умении и наличии силы появляется возможность управлять своим поведением, событиями и самим пространством сна.

Даже обычные сны сильно отличаются своим качеством, фактурой. Есть простоочные мультияшки, которые прокручиваются в голове от избытка впечатлений и перегрузки головы. Они существуют только в нашем уме и никакого значения не имеют. Разве что сигнал о том, что пара отдыхать и нечего перед сном читать, смотреть сериалы и пить кофе. Эти сны «плоские», очень подвижные, без ярких чувств и ощущений. Просто тарахтенье ума, не больше.

Но бывают сны очень сочные, иногда ярче реальной жизни, живые, с чувствами и ощущениями. Это на самом деле не сны, а путешествия в энергетическом теле. То, что происходит в таких снах, реально. Энергетическое тело перемещается в пространстве других реальностей, общается с такими же сущностями, ввязывается в приключения, приятные и не очень. Погибнуть в таком сне – значит умереть в действительности. Любить в таком сне – значит любить по-настоящему.

Есть люди, которые способны ходить по снам. То есть буквально приходить в гости в сон к другому человеку. На самом деле, в гости во сне ходят многие и часто. Но мало кто может сделать это осознанно.

Законы сновидения причудливы. Не всегда воспоминания о встрече во сне у двух людей совпадают. События могут отличаться. Или один из двоих вообще ничего не помнит. Или они не совпадают во времени не на часы, а даже на дни.

Само пространство сна тоже может быть разным. В одних случаях сновидящий попадает в астральную проекцию реальности и путешествует в ней, наблюдая события физического и астрального мира одновременно. В других он сам выстраивает своей фантазией и визуализацией придуманное пространство сна и живет в нем. Еще существует множество смешанных вариантов. Например, силой своей фантазии можно внести изменения в астральную реальность.

² «...Так влюбливаются в любовь: впадывают в пропасть.» М. Цветаева

Я, правда, в сновиденьи не специалист. Войти в него могу, если очень надо. Выскочить могу из сна в случае неприятного поворота событий. А вот сознательные путешествия не мой профиль, в гости попадаю только по случаю, специально не получается. Впрочем, я особо не старался этому учиться.

Сначала Вирджи рассказывала о приемах хождения по снам. Потом подробно, не в первый раз уже описала, как я могу во сне. К сожалению, даже во время ее рассказа – ничего не вспомнил. Забавно, что я метаю молнии из глаз! Прямо Х-мен какой-то. Значит, мое тонкое тело самостоятельно порезвились, а мне забыло сказать. Такое бывает. Жалко, конечно, интересные были приключения.

Вирджи впечатлена силой моего взгляда в сновиденье. Она описывает мощь, прямо скажем, не человеческого масштаба. И с ощущением, которое она во время рассказа транслировала, это совпадает. Получается, чего-то такого я в себе не знаю. Толпы отвратительных врагов в том сне я воспринял как проявление силы, которая ведет Дикую охоту. И то, что вражья рать во сне бесчисленна, указание тревожное и практически важное.

Пока я размышлял над этим, Вирга предложила поискать следы Дикой охоты в сновиденьи.

Эпизод 4. Хождение по снам

В поисках порталов

1.07.2011 года.

– Давай теперь я попробую, – предложила Вирга после того, как Тин в очередной раз запутался в своих рассуждениях. Он молча кивнул.

– В каждой охоте ты справляешься с ситуацией, но на пределе. И ни на один из своих вопросов не получил ответа. И теперь новый вопрос или проблема: во время последней охоты в реальный мир открылись порталы сновиденья.

– Да, продолжай.

– Ты говоришь: очень важно, просто необходимо найти если не ответ, то хотя бы какой-то новый ход, поворот в развитии событий, чтобы сдвинуться с нулевой точки.

– У меня есть идея.

– Давай.

– Катастрофу создает магическая воронка. Ее можно назвать еще назвать астральной, так как связь тонкого и физического мира строится через астрал. Ритуал построен по тому же принципу. Так?

– Так.

– Мы можем попробовать исследовать и воронку, и ритуал в сновиденьи. Сновиденье это в значительной степени астральное путешествие. Попробуем в нем наблюдать за воронкой и ритуалом на другом уровне восприятия и, может быть, что-то найдем.

– Ты думаешь, я не могу просмотреть астрал и другие психические реальности? Там ничего нет. Никаких следов и связей.

– В сновиденьи другой уровень восприятия, и это возможность. И еще, мы не знаем, откуда в последней охоте взялись порталы сновиденья и сущности. Если не хочешь исследовать воронку и ритуал, давай попробуем найти следы порталов, может быть, мы получим какую-то ниточку. Как тебе?

– Да, с порталами, пожалуй интересно. Можно попробовать. Только объясни, пожалуйста, куда мы отправимся, и что будем наблюдать? Порталы открылись и закрылись несколько недель назад. И что? Там же следов не осталось.

– Я думаю, надо отправиться туда, где они открывались. Перемещаясь в сновиденье, мы попадем не только в это место, но и в его астральную проекцию. В сновиденьи физический и астральный миры будут как бы накладываться друг на друга, друг сквозь друга «просвечивать». Как раз на этом уровне от портала мог остаться след. Мы его отыщем и попробуем пойти по нему.

– Что ж, давай «полетаем», по крайней мере, что-то новое. Это шанс, хоть какой-то. Только ведь я не сновидящий. Ты предлагаешь технически очень сложные вещи, которые я сделать не способен. Не хотелось, чтобы ты это делала одна.

– Я думала над этим. Говорила же тебе: потенциально ты мощный сновидящий, но твои возможности не осознаны, и нет управления. Можно сделать так: я тебя возьму с собой в мир сновиденья и буду твоим проводником. Сил тебе точно хватит. И думаю, ты сможешь там активно полноценно действовать, когда я буду рядом. Мы объединим наши возможности. У меня прибавится энергии, у тебя появится управление. Не надо будет ничего объяснять. Есть даже такой способ обучения, через связь с ведущим. Он, правда, редко используется. Фактически нам надо только уснуть вместе, а дальше все случится само.

– Уснуть вместе: это уже интересно, – пошутил Тин, – Когда начнем?

– Да ну тебя. Я серьезно.

– Я тоже.

– Тогда… прямо сейчас.

Они легли в палатке рядом. Тонкая ткань купола слегка просвечивала. Вирга задала общий ритм дыхания: медленный и неглубокий. Больше они не говорили. Тин быстрей и глубже, чем обычно, провалился в сон.

Они опять сидели на камне и смотрели на закат. Вирга улыбнулась, и он понял, что они во сне.

– Полетели, – весело воскликнула она и засмеялась. Она была немного другой, бесшабашной веселой. Кожа ее как будто слегка светилась.

Она схватила Тина за руку. Пейзаж дернулся: они стояли уже на пристани рядом стурбазой, где отчаливали с яхтой.

– Это проба, – она, как будто перекрикивала ветер. Следующий прыжок. Они стоят на гранитной набережной Фонтанки.

– Теперь медленно. – Они действительно полетели медленно невысоко над водой канала. Гранитные набережные. Последние туристические кораблики. Мелькнул впереди переулок, в котором шло сражение с псами. Тин обратил внимание на то, как изменился город. Дома, фонари, набережные будто стали ярче, поверхности фактурнее, перспективы улиц глубже, стереоскопичнее. Желтые и красные огни машин расплывались в игольчатых радужных ореолах и сияли даже сейчас на сером фоне наступающих сумерек. Прохожие двигались быстро и как будто рывками. Наиболее стремительные движения их размазывались полупрозрачным туманом. Тин невольно залюбовался гофмановским пейзажем.

Они плавно повернули и поднялись до уровня мостовой. Пролетели немного над асфальтом и остановились у того, последнего двора, где Вирджи попала под удар закрывающегося портала. Вид двора всколыхнул воспоминания. Тин понимал, что это скорее не реальность, а реконструкция, воссозданная во сне Вирги, в их общем сне. Но в памяти пронеслись недавние события: оскаленные морды жутких тварей, дергающиеся лапы, рассеченное горло еще живой последней из них. Он вспомнил Виргу, тихо оседающую на землю.

Вот оно – это место, где открылся портал, а здесь ткнулась мордой в асфальт последняя псины. Да, асфальт в этом месте был будто оплавлен. Большое пятно.

– Вирджи, посмотри. – Тин подозвал ее. – Это что такое? Не могу определить: этот дефект на тонком плане или с настоящим покрытием что-то произошло?

Наложение реальности и тонкого мира давали странную картину, которую трудно было понять.

– Знаешь, это настоящий асфальт. То есть он в реальности оплавился от их крови. У них она, как кислота или напалм, что ли? Этого не может быть! Не могу такого представить. Они же не настоящие, вымысел, твари сновиденья. Как они могли так разрушить предметы из реального мира? Этого не может быть!

– Да. Еще одна задачка. «Все чудливее и странноватее», – сказала бы Алиса. И ответов на вопросы нет. А, знаешь, следов портала тоже нет.

Следа не было. Серый неподвижный воздух, далекий шум улиц и детские крики с соседней подворотни. Ничего. Обошли несколько дворов, где сражался Тин, и не обнаружили никакого следа. В последнем был небольшой сквер и детская площадка. Они присели на скамью, немного разочарованные.

– Как говорится, первый блин комом. – Тин совершенно не расстроился. Ему было интересно и хорошо в мире сновиденья. И очень нравилась здесь Вирга.

– Ну что, полетели?

Во двор вбежал ребенок лет трех в ярком оранжевом комбинезончике с пестрым мячом в руках. Он смеялся и оглядывался. За ним появилась молодая женщина в модном пальто.

Усталым движением она подхватила брошенный мяч. Тин и Вирга уже поднялись со скамьи и медленно проплывали в воздухе мимо матери и ребенка. На них не обратили внимания. Боковым зрением Тин заметил, что фигура ребенка заметно ярче, отчетливей, а контур матери будто слегка смазан.

Они повторяли свой маршрут: пролетели над каналом, с набережной Фонтанки прыгнули на берег Ладоги и следующим прыжком переместились на свой остров. Перед возвращением Вирга попросила мысленно воспроизвести их путь в обратном порядке. Идти тем же путем проще: меньше энергии тратится и безопаснее.

Дополнительная возможность

1.07.2011 года.

Они вышли из сна, выбрались из палатки наружу. В синем небе над соснами стояли первые звезды. Темные контуры деревьев слегка раскачивал ветер, шумел среди стволов и веток. Тин разжег костер. Поставил греться чайник.

Вирга нарушила молчание первой. Без предварительного вопроса начала беспокойно объяснять. Перемещение в несколько шагов она выбрала, потому что предполагала, что они будут смещаться не только в пространстве физическом и астральном. Но как бы будут погружаться в глубину тонкого мира, дальше уходя от физической реальности. В этом случае движение опасно и непредсказуемо. И лучше делать несколько шагов, выбирать маршрут, использовать уже существующий. В глубокие слои тонкого мира могут вести специальные врата или ходы, и хотя форма их скорее всего обусловлена фантазией ясновидящего, это может быть единственный путь в определенную область тонкого мира.

Это были важные практические инструкции. Но Тин понимал, что Вирга начала с них, оттого что раздосадована неудачей. Он же был невозмутим: странно, если бы решение столь сложной задачи им преподнесли сразу на блюдечке. Его интуиция на эти вопросы не давала ответы, сколько он ни пытался. Это означало только то, что информация такого масштаба пока недоступна. В то же время что-то говорило ему: их путешествие не было напрасным. В том, что они увидели и узнали, есть ценное зерно, и в целом они на верном пути.

Он взлохматил ее волосы, потом обнял. Вирга все поняла и замолчала. Они сидели тихо, слушали ветер и волны.

– Что ты думаешь? – наконец спросила она.

– Следов портала нет. Расплавленный асфальт: еще одна загадка. Рядом неведомые нам связи реальности и тонкого мира. В этом может быть шанс получить ответ. В том, как выглядели люди, было что-то новое и не понятное. Для меня тонкий мир доступен без сновиденья, в медитации, и даже так, в обычном внимании. Но сейчас все действительно выглядело немного иначе. Мне хочется понять: это новая грань восприятия или что-то изменилось в городе.

Нам надо вернуться туда еще раз, в это место. И дело даже не в порталах. Надо внимательнее рассмотреть людей и город. Вирджи, ты замечательный проводник! – Он поцеловал ее в аккуратный завиток возле мочки уха. – Завтра попробуем еще раз.

На Невском

2.07.2011 года.

На следующее утро они начали с того же места. Двор был так же пуст, темнела та же клякса оплавленного асфальта. Они еще раз осмотрели все закоулки, с разных ракурсов сканировали точку открытия портала. Ничего нового. Тин вспомнил ребенка с мячиком и его мать, захотел увидеть их еще раз. Он спросил у Вирги, можно ли так сделать, управляя сном.

– Зачем они тебе?

– В том, как они выглядели, было что-то, имеющее значение.

– Может быть, просто пройтись по улицам и понаблюдать за людьми? Это же не совсем тот город, который мы знаем.

– Да, пожалуй. Хорошая идея. Пошли.

На улицах было совсем немного прохожих и машин. Они выглядели точно так же, как и в первый раз. Двигались в неровном ритме. Обычный шаг периодически сменялся рывком, как будто тело человека кто-то резко сдвигал на несколько метров. В этот момент контур фигуры размывался и оставлял белый туманный шлейф. Пару раз рядом с взрослыми они встречали детей, и Тин опять заметил, что ребенок, воспринимается ярче и отчетливей, чем взрослый. В этом тоже не было ничего нового. Они несколько раз совершали прыжок, смещаясь на другие улицы и даже в другие районы, картина была приблизительно такой же.

– Давай попробуем место, где больше народа, – предложил Тин.

– Что уж, тогда прямо на Невский.

Они перенеслись к Думской башне. Она, казалось, фосфоресцировала, царапая своим угловатым контуром низкие серые тучи. Сновидящих обтекала беззвучная толпа. Тин обратил внимание на двух девушек лет восемнадцати. Прямо у подземного перехода они уткнулись носами в экран смартфона, и что-то обсуждали. Выглядели так, как все, но Тин решил не отрывно смотреть на них длительное время. В какой-то момент он заметил, что на уровне головы у одной и другой периодически появляется призрачный туманный диск. Диск был шире плеч, у обеих появлялся и исчезал одновременно. Тин рассмотрел даже, что он неоднороден. На нем мелькали какие-то пятна и полоски. Он сказал о своем наблюдении Вирге. После длительной фиксации внимания она заметила то же.

Они решили пойти по Невскому вдоль Гостиного двора, вглядываясь в прохожих. Подобные диски увидели еще раз возле лотка уличного торговца у людей, которые толпились перед продавцом.

Напротив центрального портика Гостиного двора проходила акция зеленых или флешмоб. Человек с плакатом говорил со стремянки. Несколько пенсионеров и юнцов его слушали. В какой-то момент, когда оратор закричал и замахал руками, возник отчетливый диск вокруг его головы, и тотчас другой – большего размера – охватил всю группу, помигал и погас. Они прошли еще немного. Недалеко от входа в метро курил худой и сутулый парень с плеером и проводами в ушах. В такт музыке он покачивал головой и улыбался. Вокруг его головы мерцал отчетливый диск, самый яркий из того, что они видели. В какой-то момент из туманности диска, высунулось облачко, прозрачный острый протуберанец. В его рваном контуре Тин увидел вдруг знакомую голову пса. Голова повернулась, скосила глаз на Виргу и вновь облаком рассеялось.

– Занятно, – пробормотал Тин. Он уловил острую тревогу Вирги, и остановился. – Давай решим, что делать дальше.

Она видела то же, что и он, включая призрачную голову пса. Еще обнаружилось, что никто из прохожих их не замечает. Они были здесь невидимками. Тин заметил также, что иногда тот или иной человек, не воспринимает элементов окружающего мира. Один не обратил внимания на угол дома, ударился о него плечом. Другой – задел машину. Некоторые вели себя странно. Вон парень мочится на стену прямо на углу Невского посреди толпы, никому нет дела. Глаза всех, кого они встретили, казались остекленевшими и неподвижными, напоминали взгляд человека, который неотрывно смотрит на экран монитора.

– У людей во сне обычно глаза спящего, но это, мне кажется, что-то не то. Здесь вообще много такого, что мне не приходилось встречать, и много непонятного, – подытожила Вирга.

Тин согласился: то, что происходит вокруг, он видит впервые.

– Мы нашли что-то важное. Но оно непонятно, нужно глубже погрузиться.

— Да, буквально, — согласилась Вирга, — нам надо сместиться на следующий уровень тонкого мира в этом городе. Тогда мы рассмотрим все более отчетливо. Можно пойти в метро. Там людей больше, и концентрация психической энергии выше. Кроме того, в метро проще всего найти вход на следующий уровень. Мне даже кажется, что он где-то здесь.

Тин пожал плечами.

— Пошли.

Туннель

2.07.2011 года.

Они вошли в вестибюль. Здесь все гудело от ментальных вибраций. Толкотня у турникетов и касс. На эскалаторе туманный диск мерцал вокруг головы почти у каждого человека. «Гостиный двор» — пересадочная станция. Толпа. Толкучка у переходов на другую ветку метро, вниз, на станцию «Невский проспект». «Гостинка» соединена с ней двумя путями. В дальнем конце вестибюля, прямо у выхода на канал Грибоедова небольшой эскалатор. В центре зала два спуска — лестничные марши, и далее длинный изгибающийся туннель к нижней станции. В конце туннеля турникеты. Вирга выбрала спуск в центре зала и перед ним остановилась.

— Мне кажется, переход на другой уровень здесь. Изменение реальности может произойти скачком или постепенно. Идем, — она взяла его за руку. — На всякий случай, чтобы ты не потерялся, — усмехнулась, но глаза ее были сосредоточены.

Мимо них проходило множество людей, у каждого вокруг головы был туманный диск. Но более ничего необычного не происходило. С толпой они спустились и повернули в туннель. Вновь ничего не произошло. Туннель плавно изгибался и длинной узкой кишкой уходил вперед. Он был увешан рекламными щитами. Играла на скрипке пожилая женщина с благородным лицом. Недалеко с картонкой для мелочи стояла нищая старуха.

Плотная толпа шла в одном завораживающем ритме. Можно было потеряться в однобразном монотонном движении сапог и ботинок, качающихся плеч и задов, напряженных спин. Потеряться в их однообразии, в том, как они двигались: десятки, сотни одновременно, в том, что это длилось долго. Можно было забыть себя в этой монотонности или еще наблюдать отдельно, долго чью-то шизофреническую прическу или бессмысленный затылок. Движение в туннеле походило на длящийся кадр из фильма Тарковского. Несмотря на сосредоточенное внимание, Тина и Виргу захватило, мерное качание голов и спин, и они пришли в себя, только когда толпа вытолкнула их через турникет.

Они стояли на нижней станции, одной из самых скромных в Питерском метро. Белые стены и арки украшали полосы алюминиевого профиля. Несколько черных пластиковых скамеек вдоль стен. Но реальность была уже другой. Вместо привычного яркого освещения сумрак вестибюля. А люди, наоборот ярко освещены: каждый шел в неоновом, одновременно прозрачном цилиндре, наиболее стущенной частью его был диск на уровне головы. Но диск был не только из белесого тумана. На внутренней стороне его, как на экране кинотеатра, произошла непрерывная смена движущихся ярких цветных образов. Глаза каждого человека смотрели только на этот экран.

Между освещенных человеческих фигур скользило множество призрачных трудноуловимых теней. Они были разного размера и формы. В некоторых они угадывали все тех же псов, в других подобие летающих ящеров, жутких глубоководных рыб, рыцарские доспехи или голых ведьм с огромными вампирскими клыками. Один раз Тин заметил невесомые контуры рушащегося здания. Призрачные фигуры были, как правило, несимпатичны.

— Зайчиков и белочек, котов с бантиками не наблюдается, — мрачно пошутил он.

Они попали на следующий уровень реальности города. Первое наблюдение, и это было важно, никто — люди и сущности — по-прежнему их не замечал. Неясно было, видят люди

только то, что на экране, или еще просвечивающую сквозь него окружающую реальность тоже. Как они ориентируются в пространстве, если постоянно смотрят на экран? Что за сущности здесь обитали, кроме людей?

– Что дальше, Тин? – спросила Вирга.

– В этом есть что-то на редкость хреновое. Надо разбираться, – Тин сделался холоден и ироничен, в сложных ситуациях свойственная ему манера поведения.

– Во-первых: что «нарисовано» у этих ребят на экране? Второе: есть ли здесь хоть один человек, который видит реальность, а не экран? В каком-то смысле они все слепые. Город слепых, – подытожил он.

Город слепых

2.07.2011 года.

Прежде, чем что-либо предпринять, они присели на скамью в центральной части вестибюля, наблюдая за движущейся толпой. Экраны были у всех проходящих мимо, и на каждом прокручивалось что-то вроде фильма.

– Интересно, они видят каждый свое, или все одно и то же? – спросила Вирга.

– Действительно интересно. Посмотри, ребенок.

Они впервые на этом уровне реальности увидели ребенка. Мальчика лет пяти вел за руку, вероятно, отец. Вокруг ребенка не было светового цилиндра, не было ни диска вокруг головы, ни мелькания картинок. Из-за этого мальчик выглядел более тусклым, не подсвеченным. Он мусолил во рту «чупа-чупс» и разглядывал окружающих. Когда ребенок поравнялся со скамьей, Тин показал ему язык. Мальчик удивленно улыбнулся и оглядывался на них постоянно, пока не споткнулся. Отец дернул его за руку. Затем близко от мальчика проскользнула какая-то призрачная огромная кошка. Ребенок испугался и заплакал.

– Он нас видит и видит эту зверюгу тоже, – сказал Тин, – он нас видит, и у него нет этого... персонального кинотеатра. Получается, что «кино» мешает видеть то, что снаружи, ограничивает восприятие. Почему у детей этой штуки нет?

– Хорошо бы увидеть еще ребенка, – заметила Вирга.

– Да. Подождем.

Они сидели и смотрели на толпу, изредка перебрасываясь фразами.

– Эти цилиндры есть у всех взрослых.

– Смотри, еще ребенок без «подсветки»!

Теперь они показывали друг другу то, что привлекло внимание одного, чтобы рассмотреть вместе, все больше убеждаясь, что однообразие и нейтральность толпы мнимые. При направленной концентрации становилось все более заметно, что некоторые ведут себя необычно.

– Толпа и толпа, все просто идут мимо. А если выделить кого-то вниманием, замечаешь странное. И чем больше наблюдаешь, тем больше такого... – Вирджи искала слово.

На скамью рядом присел старик в шляпе. Достал из кармана газету, развернул и начал просматривать. Тин хотел уже отвернуться – ничего интересного. Но заметил вдруг, что старик отложил прочитанную газету на скамью. И как бы развернул и начал читать следующую. Его движения точно повторяли предыдущие, но газеты не было. Старик «прочитал» несуществующую газету, отложил ее и достал следующую, тоже несуществующую.

– Смотри, – Вирга потянула Тина за рукав, привлекая внимание. Через станцию к выходу двигался пожилой лысый мужчина, с виду клерк или бухгалтер. В опущенной руке он держал пистолет, на каждом шагу останавливался и судорожно озирался, иногда приседая, как жаба. Лицо сведено злобной судорогой испуга. Вот он шарахнулся от высокой молодой женщины, а вот вовсе от пустого места.

– Давай, это надо проверить, – воскликнула Вирджи, – побежали!

Схватила Тина за руку, и они в три шага оказались рядом с мужчиной, сделали шаг внутрь его цилиндра.

Дальше все произошло в секунды. Мужчина увидел их, взвился и беззвучно закричал от ужаса, закатывая глаза. Тин не дал поднять ему пистолет, крепко сжал его руку. Вирга замерла, глядя на станцию. Изнутри цилиндра не было видно. Изменилась сама реальность. Станция была ярко освещена, увешана плакатами, призывающими к войне. На стенах граффити, похожие на свастики, надписи «Gott mit uns» и тут же «Немец это зверь, людоед. Бей его, артиллерист, уничтожай беспощадно». Показалось, что женский голос мирный, далекий поет «Лили Марлен»³, и тут же динамики выкрикивали лозунги победы и бравурно хрипели военным маршем. В толпе выделялись солдаты в камуфляже и с оружием. У гражданских лиц была собранная военная походка и мрачный суровый взгляд. На врагов с плакатов они смотрели с ненавистью. Из арок, выходящих на перроны, выглядывали патрули спецназа в бронежилетах и с короткими автоматами на груди.

Все пространство дышало ненавистью и войной. Они не только смотрели на это здесь, в зале. Они знали, что вся страна в едином порыве готовится дать отпор врагу. Где-то уже летят тяжелые бомбардировщики, и в шахтах поднимают вверх ужасающие тела баллистические ракеты. Они буквально увидели колонны танков, движущиеся к границам, подводные лодки в толще вод, приведенные в боевую готовность. Накатила мутная волна страха: за каждым углом враг, ядерные бомбы вот-вот упадут на наши головы.

Вирга почувствовала, как ненависть и жажда крови захлестывает ее, и она начинает забывать кто она и зачем здесь. Тин дернул ее за руку, ясность восприятия вернулось. Прошло не более пары секунд, но за это время ситуация изменилась. Мужчина с пистолетом, захлебнувшись паническим страхом, начал терять сознание, заваливаться на пол. Тин пока не давал ему упасть. На фоне милитаристской декорации вдруг появились контуры светящегося цилиндра, и тут же его ткань начала разрываться и таять. Одновременно таял этот жуткий мир. Станция обретала привычный вид. И в этот момент, когда цилиндр почти исчез полностью, все остановилось. Тин и Вирга увидели, что все люди и твари на станции замерли и смотрят на них. Еще мгновение, и призрачные чудовища бросились в их сторону.

Тин среагировал мгновенно. Выбил у мужчины пистолет и выпрыгнул с Виргой из круга. Цилиндр сразу же ярко вспыхнул. Внутри него мужчина неуклюже нагибался за оружием. Станция вернулась в полумрак. Сущности замерли, озираясь, а толпа равнодушно потекла дальше. Они снова стали невидимы.

Тин и Вирга вернулись на ту же скамью перевести дух и собраться с мыслями. Они как будто увидели весь этот город целиком с миллионами его жителей, каждый из которых жил в своей безумной реальности.

Все, кроме детей.

Наваждения

2.07.2011 года.

– Не думал, что ты еще большая авантюристка, чем я. Это было очень неосторожно, – заметил Тин.

– Да, – Вирга засмеялась. – Я боялась отпустить твою руку, вдруг ты потеряешься. Хорошо, что ты сразу среагировал. Это было, наверное, глупо, но мы теперь многое поняли. Тин, что это? Что с этим делать?

³ Любимая песня немецких солдат времен Второй Мировой войны.

– По крайней мере, ситуация проясняется. Мы обнаружили место, где живут сущности. Выяснили, что граница между их миром и нашим не так незыблема. И знаешь, очень важно: у меня впечатление, что субстанция, энергия этих цилиндров похожа на энергию воронки. Это почти ответ. Близко к ответу. Другой вопрос, так ли это теперь важно? Мы нашли нечто более существенное, серьезную, я бы сказал… – не любитель пафосных заявлений, Тин помялся, – глобальную проблему. И она теперь наша. Знаешь, что теперь мне интересно. Все эти люди живут в плену иллюзий, они откровенно безумны, слепы относительно реальности. Хотелось бы найти хоть одного зрячего в этом городе слепых.

Их восприятие толпы теперь перестроилось, и они автоматически видели сквозь ее мононотонность необычные ситуации. Внимание привлекла женщина, в очень короткой юбке и крохотной безрукавке поверх блузки. Она была в туфлях на тонких высоченных шпильках и в чулках, надетых так, чтобы виден был, как модно, кружевной борт. Женщина двигалась подиумной походкой, по странной траектории: зигзагами от одной арки вестибюля к другой. Перед арками – проходами к платформам – она останавливалась, принимала журнальные позы и как будто окидывала взглядом свое отражение в большом зеркале. У нее было тонкое бледное лицо и измученные парикмахером волосы. Часто ей что-то не нравилось, и она изменяла свой наряд.

Сначала достала из сумки и вдела в уши огромные серьги. Затем завязала узлом – укоротила бусы. Во время очередной примерки она сняла безрукавку, затем блузку и лифчик. Все бросила на скамью рядом. Как будто красуясь перед зеркалом, огладила снизу вверх к темным соскам груди, покачала головой и вновь надела безрукавку на голое тело. Двинулась дальше. У следующего простенка остановилась и расстегнула юбку, перешагнула ее. Под юбкой белья не было, она осталась только в туфлях, чулках и безрукавке. Такой вид ее вдохновил. Она повернулась вправо-влево, через плечо красуясь перед воображаемым зеркалом, медленно прогладила снизу коротко стриженные на лобке волосики, расправила плечи и откинула голову назад. Потом провела кончиком языка по верхней губе. Все ее движения были чувственны и шаблонны, как будто она старательно повторяла кадры эротического фильма или копировала картинки из мужского журнала. Теперь она себе нравилась.

Женщина двинулась далее по вестибюлю, так же меняя направление, но часто оглядываясь и заглядывая в лица прохожих, окружающих. На нее никто не обратил внимания. Толпа монотонно текла дальше. Ее же заинтересовал молодой мужчина в дорогом темном костюме. Он стоял недалеко от стены и как будто списывал из какой-то воображаемой таблицы цифры в записную книжку, при этом очень волновался. Она подошла к нему близко, и со стороны могло показаться, что заговорила с ним, что они общаются. В действительности она что-то говорила, делала красивые жесты и принимала обольстительные позы, он же по-прежнему переписывал что-то в книжку. Пара выглядела странно.

Потом она расстегнула ему брюки, спустила их вместе с трусами и присела перед ним на корточки. Вначале видно было, что она ласкает его член рукой и губами, вторую руку она опустила себе между ног. Затем она совсем к нему приникла, заслонила, жадно задергала головой, прической. Мужчина стоял в пиджаке, со спущенными штанами и, ничего не замечая, продолжал старательно переписывать цифры в книжечку.

Вирджи слегка покраснела и отвернулась. Тин наблюдал отрешенно, поморщился. Было в этой картине что-то отвратительное, не в порнографичности ее, скорее в безумии происходящего, в отсутствии между теми двумя связи.

– Пожалуй, на сегодня хватит, я устала, – сказала Вирга. – Пойдем.

Они двинулись в сторону туннеля. На углу у перехода бывшего вида музыкант играл на саксе. Черные перчатки с обрезанными пальцами, в правой глазнице вместо глаза вставлена перламутровая раковина.

Мимо прошли две девчонки-тинэйджерки. Одна была с малиновом ирокезом голове и в драных джинсах. Сзади на месте ягодиц вырезаны две большие дыры. На одной половине голого зада татуировка – серп и молот, на другой – свастика.

Вторая девица бритая и вся в пирсинге, в короткой юбке. Сзади из-под юбки по правой ноге спускалась вниз до ботинка тату: строка готического текста. Девицы остановились посредине толпы и поцеловались взасос.

– Много сексуальной и политической тематики. Агрессия и страх, – невозмутимо отметил Тин.

– Надоело, скучно. Пойдем отсюда, – повторила Вирга, не понимая, что Тин так шутит. – Еще сил не хватит пройти туннель. Ты не забыл, что мы во сне? – криво усмехнулась она. Они двинулись к туннелю.

– Знаешь, о чем я подумал, – как бы ответил он, – иногда поздно вечером в метро, особенно под праздник, можно увидеть очень странных людей. Мне кажется, я встречал уже этого музыканта с перламутровым глазом.

Эпизод 5. В поисках Нео

Подслушанный разговор

2.07.2011 года.

Ощущение было нехорошее, странное. С одной стороны, на них обрушилась лавина новых фактов, правильнее сказать – неведомого. С другой, новое знание ощущалось тяжелым грузом, и вопросов стало еще больше, чем было.

– Поехали домой, в город. Знаешь, я устала, – сказала Вирга. – Такая глубина погружения отбирает много сил, и вообще… это как-то очень сложно. Со сновидением нужен перерыв… Да?

– Да, – Тин усмехнулся. Неизвестное, особенно мистического свойства, вводило его почти в эйфорию, как прыжок с парашютом бывалого адреналинища. – Знаешь, я, пожалуй, смогу войти в это пространство в реальном мире, не так глубоко, конечно. В медитации, без помощи сна. Это действительно лучше сделать в городе.

– Я бы поговорила обо всем, что мы видели, с Нео. Мне кажется, это по его части, и он нам что-нибудь подскажет.

– Нео… пожалуй… Да, кстати, почему его называю Нео?

– Я тебе тысячу раз говорила: потому, что он помешан на Матрице.

Вирджи увидела, что Тин ухмыляется, и поняла, что это шутка. Он уже несколько раз с наивным видом задавал один и тот же вопрос о Нео.

– Шутки у тебя армейские. Котелком по башке получишь.

– Я его поймаю.

Вирджи засмеялась, поднялась собирать палатку. В это момент у нее зазвонил телефон, и она сказала пару фраз в трубку.

– Звонил Аркадий. Нео куда-то пропал.

– Ну что ж, все сходится. Едем в город.

Яхту оставили у причала. После трехчасовой гонки по трассе остановились выпить кофе на берегу залива. Тин из прихоти, хоть они и торопились, свернул на Приморское шоссе. Серая вода до горизонта. К берегу катились длинные плоские волны с белыми гребнями, шумели сосны, и в дюнах качались полосы сухой травы. Они сели на террасе. Скатерть на столе трепыхалась, прижатая алюминиевой скобой.

За столиком, через ряд, двое мужчин о чем-то оживленно говорили.

– Хочешь, попробую войти в тонкий мир прямо отсюда? – Тин заговорщицки подмигнул Вирге. Она в ответ страдальчески заломила брови.

– Смотри, сейчас после настройки кроме погружения, мы будем слышать, о чем они говорят. – Тин глазами показал на соседей. – Только недолго, – оправдался он, – это довольно сложно.

Он замер и закрыл глаза. Через минуту воздух на террасе потускнел, свет стал сумеречным, а у людей рядом начали проблескивать контуры дисков вокруг головы. Тин открыл глаза, и Вирга вдруг увидела в них впервые после самой первой их встречи тень той устрашающей пустоты и безумной силы. Контуры его тела слегка светились. Затем она услышала голоса за соседним столиком. Двое оживленно беседовали.

– Они никак не могут поставить игру в обороне. Смотри, вот пара центральных защитников, Вагнер Лав делает разрезающий пас, и нападающий за спиной сразу у обоих. Выход один на один – гол. И так постоянно. Нет подстраховки. Понимаешь?

– Да, конечно. Нефть пошла вниз, и за ней доллар растет, евро пока стоит. Надо покупать евро, или, может, подождать еще неделю, как ты думаешь?

– Я думаю, что этого итальянца фасонистого, лысого пора убирать. «Зениту» нужен новый тренер. Он сдулся, ни с командой сделать ничего не может, ни с Газпромовскими боссами договориться. Чемпионство проиграем. Вон его из команды!

– Да, ты прав. Надо сейчас покупать. И где-то процентов тридцать долларовых вкладов перевести в евро.

– Ну вот, хоть ты меня понимаешь. Давай, за «Зенит»!

Они согласовано подняли стаканы с виски на дне и выпили.

– Все, достаточно, – сказал Тин и глубоко выдохнул. Сумрак рассеялся, свечение около тел исчезло, и голоса были более не слышны. Тин с Виргой сидели молча. То, что они услышали, подействовало особенно сильно. По сравнению с находками в Слепом городе это была мелочь. Они понимали уровень угрозы, но подсознательно впечатление смягчалось тем, что там был сон, как бы не совсем реальная жизнь. Сейчас исчезли последние иллюзии.

– Так и живем, – прервал гробовую тишину Тин. – Родная, этот город тяжело болен!

Еще помолчали потерянно. Вирга вдруг осознала:

– Тин вокруг тебя ни тогда, ни сейчас цилиндрического свечения не было.

– У тебя тоже. Может быть, это ответ?

Через час они сидели за столом в гостиной Аркадия.

– О Нео пока никаких известий. Тревожно. Он на несколько назначенных встреч не пришел. Коля, его основной помощник, сейчас подъедет, расскажет последние новости, – Аркадий замолчал.

Пока ждали Колю, Тин попросил рассказать о Нео. В отличие от Вирги, о нем он ничего не знал.

– Нео, что называется, странный. О нем мало что известно. Впечатление такое, будто он окружает себя облаком неопределенности. Он сильный человек. Его знают больше как гениального программиста. Свой псевдоним «Нео» он получил, потому что пытается доказать, будто мы живем в Матрице, а также потому, что ищет мистические силы в Интернете. Парадоксальные штуки. Он действительно очень талантлив и парадоксален. И его постоянно узнаешь с неожиданной стороны.

Аркадий, как художник, набрасывал портрет резкими мазками: каждая фраза отдельно и о чем-то новом.

– Он кажется одиночкой. Одновременно его считают интеллектуальным гуру, и у него есть последователи. Получается так, что одни знают его как почти отшельника, другие как лидера группы и даже некой идеологии. Интересно, что те и другие почти не пересекаются.

По правилам жанра, такой человек должен быть хилый головастик. Но это опять же не так. Он много лет изучал шаолиньский боевой метод, цигун и даже владеет техникой железной рубашки. Еще увлекается паркуром. Любит холодное оружие и арбалеты. Я видел, как он умело обращался с лошадьми. Все это мало кто знает. А тем, кто осведомлен о большей части его дел, – Аркадий показал на себя, – он тоже многое не договаривает. О личной жизни и прошлом не рассказывает вообще.

Мне кажется, образ чудака, странного человека он немного наигрывает. В его сознании причудливо соединилось следование самурайскому кодексу бусидо и pragmatism современного склонного к иронии человека. Фанатиков он точно не терпит. Развивает осознание, любит рок. Раз слышал: он сказал о себе «рок-самурай» и тут же начал над этим глумиться. В его поведении есть что-то подростковое и очень взрослое одновременно. Чем больше о нем говоришь, тем больше сам запутываешься. Посему лучше остановиться.

— Что ж, такие люди... не однозначные... интересны. С ними скучно не бывает, — заметил Тин.

— Ну да, ты сам такой, — с нежностью и одновременно язвительно подумала Вирджи. Тин улыбался, но ему было не до веселья. Он чувствовал: закручивается еще одна витая, мощная, сложная пружина. Больше всего досаждало, что сложная. От невероятности и запутанности событийных ходов он начинал, не то чтобы уставать, паузы захотелось.

— Я думаю, такого парня не могли обидеть хулиганы на улице, — задумчиво процедил он.

Метро

30.06.2011 года.

Вечерний поезд метро. Ярко освещенное грохочущее пространство. Впрочем, шум перестаешь слышать почти сразу, привыкаешь. Мысли, мысли заслоняют. Если каждый день смотреть фильм или много часов в экран монитора, в какой-то момент возникает ощущение, что не можешь точно отличить, где кино, а где — то, что называют реальностью. Нет принципиальной разницы.

Отвлекся от мыслей и смотрю: качается вагон метро, в нем несколько пассажиров, через стекло дверей в обе стороны видно — движутся такие же пустые яркие вагоны, почти бесконечность. Пассажиры абстрактны и карикатурны, как герои игры. Девушка-готт: вся в черном, пирсинг, мысли читаются, как на экране — отвращение к себе, придушенное равнодушием одиночества, отсутствие желаний. Рыхлый парнишка (спорим, менеджер по продажам) с сонным остекленевшем взглядом. Видно глаза, когда отрывается от экрана смартфона.

Дальше худой, немного пьяный парень с двумя полуторалитровыми бутылками пива. То криво, многозначительно улыбается, поглядывая на меня, то отводит глаза. В нем борются интерес и лень. Я гашу связь встретившихся глаз (неприятно), нарочито разглядывая содержимое соседнего вагона. Пока отвернулся, парень подсел ко мне.

— Извини, можно спросить? — Мой взгляд в ответ не дружелюбен.

Он все же спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Нео. — Молча пожимаем руки.

— Скажи, о чем ты думаешь?

— Хм. Почему тебя это интересует?

— У тебя странное выражение лица.

Надо же, забавный тип.

— Думаю о том, что мы живем в Матрице. Сейчас, в данный момент мы в Матрице.

Он нахмурился, не понимая.

— Помнишь, фильм был в девяностых с Киану Ривзом: «Матрица». Людям кажется, что они живут, а на самом деле лежат в специальных ваннах, и им компьютер показывает картинку их жизни.

— Да, помню, — бормочет он себе под нос, гладя куда-то в сторону, встает, пошатываясь от толчков идет в дальний конец вагона.

Тоже не понял — улыбаюсь ему вслед.

«Unfortunately, no one can be told what the Matrix is. You have to see it for yourself».

(«К сожалению, никто не может сказать, что такое Матрица. Вы должны увидеть это сами»).

Лекция

30.06.2011 года.

Авария поездов не произошла. Катастрофа не подтвердилась. Через неделю позвонила Вирга и сказала, что знает почему. Потом она исчезла, и телефон вне зоны действия сети. Выступление в семь вечера. Нео уже подходил к клубу, когда ему почему-то показалось, что за ним следят.

Клуб, точнее типичное арт пространство. Облезлая лестница вся в объявлениях. На каждом этаже что-то свое: театральная студия, зеленый чай, экологи, йога, квартирник. В просторной мансарде зал, и рядом за шторой мастерская художников с мольбертами, эскизами, кусками цветного картона. Гипсовые глаза Давида, какие-то вазы, бутылки. А зал чистый и универсальный. Можно ставить спектакль, можно лекцию прочитать. У него – лекция.

Он начал сразу, без вступления.

– Я хотел бы напомнить вам содержание фильма «Матрица». *The Matrix* – написал на доске Нео. Подозреваю, что все здесь присутствующие его смотрели. Но все же...

Кратко пересказывая сюжет фильма, Нео рассматривал аудиторию. Зал полон. Обычные офисные стулья, выставленные в несколько рядов. Публика от 18 до 45, есть несколько седеющих сосредоточенных мужчин. На заднем ряду люди из его команды. Коля со штатива записывает видео.

Он узнавал тех, кто пришел не в первый раз, и видел новые лица. Это элита, сегодняшний андеграунд, остатки культурного слоя. Люди, которые читают книги, ходят в театр, не смотрят сериалы и не верят новостям. У них ясные глаза. Они способны самостоятельно мыслить. Они продолжают искать ответы на свои вопросы и не хотят сдаваться обыденности. Они не верят в политические решения, ищут ответа в йоге, религии, психологии, путешествиях, экстреме или философии. Большой частью не находят, потому, что везде пусто и выхолощено, даже под нужной вывеской. Но они продолжают искать. Вот и сюда пришли за тем же.

Один мужчина привлек внимание Нео. Он сидел в третьем ряду, второй с краю. Место так расположено, что из-за ширины ряда чаще других выпадает из поля внимания. Позиция делает его менее заметным, но он как раз отличается от остальных: одет в классический костюм, без галстука, уверен в себе и спокоен. Выглядит, как бизнесмен, сложением и осанкой напоминает военного. Общая картина Нео не понравилась. Зачем он здесь?

Нео «накрыл» зал своей страстной убежденностью.

– Фильм вышел в марте 1999 года. Он произвел ошеломляющее впечатление. Его посмотрели миллиарды людей. Он стал одним самых кассовых и культовых фильмов в истории кино, породил субкультуру Матрицы. Он воспринимался как откровение, как призыв... К чему? Каждый в глубине души понимал, что ему сказали. Это было обращение к самой сущности нас.

Далее вступила в дело привычка, и мы объяснили себе, что это великолепная метафора социальной несправедливости, тоталитаризма и борьбы с ними. Идею Матрицы свели к социальному содерганию. Мы восхитились мастерством режиссеров и сценаристов. Сами искали суть того, что увидели и почувствовали. А суть в том, что это было послание: мы живем в Матрице. После пустых восторгов и объяснений послание потеряло силу. Оно не привело к настоящим поступкам. Ничего не произошло. Очередная порция киберпанка. И это ошибка... возможно, внушенная Матрицей, той, что не в кино.

Сразу уточню: все сказанное касается только первой части фильма. Все остальное посредственно и не имеет значения.

Нео без труда контролировал несколько потоков внимания. Развивая очередную мысль, он одновременно просматривал матрицу аудитории, определяя ее основные черты. Восприятие группы относительно чистое. Задействованы преимущественно шаблоны среднего класса: диссидентский, программистский, игровой в незначительной степени. Общий шаблон европ-

пейского благополучия и потребления выражен умеренно. Явных патологий нет. Хорошо, с этим можно работать.

У него давно сложилась своя система понятий. Матрицей Нео называл иллюзию планетарного масштаба. Матрица группы – другое, это конкретный для данных людей или места комплекс искажающих восприятие элементов. Он назвал их шаблоны: стандартные, навязанные извне образы, созданные масс медиа, политтехнологами, рекламой, модными домами. Они устойчиво и незаметно искажают восприятие и программируют заданные извне реакции.

Он обратил внимание на проблемных членов группы. В третьем ряду девушка с неустойчивой психикой: социопатка. Рядом подруга, жестко фиксированная на гламуре и секс-штампах Голливуда. А, они пара... понятно. На два ряда дальше и левее геймер-неврастеник, не спит по ночам, кофе пьет ведрами. Энергии – ноль. Ничего, группа его вытянет. Еще дальше: аутизм, комплекс неполноценности, Интернет-зависимость, не тяжелая... У пожилого мужчины сердце не в порядке... так. В целом рабочая группа.

Бизнесмен с военной выправкой в третьем ряду его беспокоил. Восприятие и рефлексы на редкость живые, почти не деформированные. Но шаблон есть точно, странный какой-то: связан с адреналиновыми реакциями, возможно, с войной. И он совершенно не читается. Да, гражданин тянет на сотрудника спецслужб. Пока придется это просто учитывать.

Что ж, поехали. Нео сосредоточился и, не снижая накала выступления, набросил на зал мыслеформу «Узор». Она напоминала ему рыболовную сеть, но плетение силовых линий сложней и изысканней, почти арабеска.

«Главное – не воздействовать на людей, а предлагать их подсознанию защиту от шаблонов матрицы. Подсознание человека само будет принимать или отвергать это предложение», – часто говорил его друг Ерсен. Некстати... Нео отбросил воспоминание.

– *Повторю. Суть фильма в том, что это послание. Оно говорит: мы действительно живем в Матрице. Буквально. Это – так! Мы живем в виртуальном мире, а не в реальном. Я использую слово Матрица в том смысле, который подразумевается в кино, и отчетливо осознаю, что в данный момент мое заявление не шокирует и не пугает вас, по ряду причин. В первую очередь потому, что в это невозможно поверить. Требуются доказательства.*

Для того, чтобы принять или отвергнуть эту мысль, определимся с тем, что такое Матрица. Один из героев фильма говорит: «*Unfortunately, no one can be told what the Matrix is. You have to see it for yourself.*» («К сожалению, никто не может сказать, что такое Матрица. Вы должны увидеть это сами»). Но мы попробуем это сделать. Попробуем для начала найти, из чего состоит Матрица. И если составляющие обнаруживаются в нашей жизни, это будет доказательством ее существования.

Первое: Матрица – это виртуальная среда, воспринимаемая как реальная. То есть пространство, которого физически не существует, но которое представлено в нашем сознании как мир, в котором мы живем. Если все, что мы видим, слышим и воспринимаем, окажется иллюзией, это будет одним из основных признаков Матрицы. Ее можно назвать также пространством абсолютной лжи».

Сразу определимся – конечно же, человечество не лежит в ванных, с подключенными к телам проводами. Это эффектный прием голливудского фантастического боевика, делающий Матрицу в фильме наглядной и ужасной. В жизни все тоны, и, я сказал бы, коварней. Вопрос не в том, чтобы найти ванну, подключенную к компьютеру, но в том, живем ли мы в мире, где для нас отсутствует настоящая информация о реальности. Замещена ли реальность ложными образами? Если мы видим, слышим, ощущаем не то, что есть на самом деле, это и есть Матрица.

Описывая признаки Матрицы, Нео как бы потянул мысленно сеть Узора. Момент очень тонкий. Первое движение должно быть аккуратным и предельно плавным. Чужеродные программы, «врезки» в подсознание умеют себя охранять и способны вызвать у человека бурную

реакцию отторжения, совершенно непонятную, необъяснимую самому владельцу управляющей им программы. Все от агрессии, истерики или суицида до банального обморока или эпилептического припадка.

В целом группа не дрогнула. Парочка девиц непроизвольно придвигнулась друг к другу, неврастеник дернулся, будто куклу потянули за ниточку, сердечник тяжело вздохнул. Внутренняя реакция мужчины в костюме была самой интенсивной. Выброс адреналина, готовность к бою, как у боксера перед выходом на ринг. Внешне он не изменил позы. Нео заметил только – «военный» профессионально просканировал пространство, будто почувствовал опасность.

По следу

20.07.2011 года.

Тин и Вирджи пили чай. Аркадий задумчиво следил за туркой у плиты и рассказывал.

– На второй день еще не сильно беспокоились. Ну, исчез и исчез. С ним бывает. Сегодня Данила поехал к нему на квартиру и тоже пропал, на звонки до сих пор не отвечает. Уже три часа прошло, нет, четыре. Он не перезвонил. Коля собирался туда ехать, но я его попросил сначала заскочить сюда. Он будет с минуты на минуту.

В тот же момент раздался звонок в дверь. Тин пошел открывать. Николай ввалился взъерошенный и хмурый и тоже сел выпить чаю. Тин незаметно его рассматривал. Лет двадцати пяти, худой, быстрый, рыжий, свитер ручной вязки, лицо юношеское.

– Есть какие-нибудь соображения? – спросил Тин. Коля молча мотнул головой: рот был занят печеньем. Прожевал и ответил:

– Нет. Слухи ходили, что Нео проводит какие-то эксперименты с Матрицей...

– Это что? – удивился Тин.

– Никто не знает, – Коля помотал головой. Рот опять был набит печеньем.

– Какая-то информация еще есть? С кем общался накануне или сразу после лекции?

Планы его на эти дни?

– Нет, особо ничего. Есть флешка с видео лекции, после которой он исчез. – Коля похлопал себя по карману. – Я записывал.

– Отлично. Давай посмотрим.

– Так ехать надо, – всполошился Коля.

– Ничего не случится за пять минут. Давай, показывай.

Коля достал ноутбук и флешку. Просмотрели начало записи. Чуть отмотали, посмотрели еще. Нео говорил страстно, стоял вполоборота к доске делая выверенный жест рукой в сторону аудитории. «Прямо Ленин на броневике», – отчего то со злой иронией подумал Тин.

Я помню, когда мы смотрели фильм в первый раз, ничего о нем не зная, ошеломляющее впечатление произвел эпизод, когда героя везут на машине по улице, и через стекло он видит знакомые улицы, прохожих и понимает, что этого ничего не существует. Вся его жизнь – иллюзия. Я помню шок от мысли, возникшей в этот момент: мы не способны отличить иллюзию от реальности. Мы живем и не знаем, где мы сейчас, что с нами происходит. Я сижу в кино и смотрю фильм о Матрице, но, возможно, это тоже иллюзия.

Люди, не занимающиеся самонаблюдением, плохо представляют уровень субъективности своего восприятия. Трудно поверить в виртуальный обман такого масштаба, пока вы не вспоминаете о снах. Во сне человек может проживать ситуацию с множеством приключений, не сомневаясь ни на секунду в том, что это настоящая жизнь. Он понимает, что видел сон, только тогда, когда проснулся.

Исходя из того, что мы не можем отличить сон от реальности, задайте себе вопрос: я сижу на лекции – то, что происходит сейчас, это сон или нет? Вопрос кажется смешным. Но если вы попробуете проверить, так ли это, окажется, что никто не сможет сказать с

уверенностью. Нет доказательств, нет способности различать сон и реальность. Это мысль нередко вызывает страх».

– Стоп. – Тин остановил просмотр и несколько секунд внимательно всматривался в картинку, – Что он там творит на лекции? – Тин указал рукой в сторону экрана. – Я такого не видел никогда. Забавно, – протянул задумчиво. – Он всегда так делает?

– А что такое? – Коля встревожился. – Он вообще все делает необычно. Я слышал, с людьми после его лекций иногда странное происходит.

– Есть что-то примечательное для розысков? – вступил в разговор Аркадий. – Я понял: в выступлении обнаружились неожиданные моменты.

– Да. Непрост ваш Нео, – ответил Тин. – Интересные у него дела творятся. Это не лекция вовсе, а какой-то групповой экзорцизм.

– Даже так, – произнес Аркадий, и Тину показалось, что он не то чтобы сильно удивился.

– Публику не снимали? – спросил еще Колю.

– Нет. Зачем?

– Вообще интересно было бы людей посмотреть в зале. Никто не выделялся особенно?

– Да нет вроде.

– Хорошо. – Тин будто закрыл для себя тему с просмотром. – Сейчас на квартиру поедешь?

– Да, – ответил Коля.

– Один собирался? – спросил Тин.

– А что? Может быть, еще Илья подгребет.

– Поехали с ним, посмотрим, – предложила Вирджи.

– Ключ есть? – незаинтересованно спросил Тин.

– Есть. У меня от парадного хода, а у Данилы был от черного. Ключ Нео мне оставил на всякий случай. У него там рыбки.

– В квартире два входа, – уточнил Тин. – Хорошо.

– Что хорошо?

– Просто проясняю ситуацию. Съездить можно, – с сомнением в голосе произнес Тин. Ему показалось вдруг, что вокруг них стремительно начинает закручиваться воронка, мир дрогнул, как будто начиналась Дикая охота.

– Однако... «Не нравится мне этот Брежnev», – проворчал он.

– «Не нравится, не ешь», – отыграла старый анекдот Виржди. – Что, так плохо?

Тин улыбался, но в глазах его она увидела тревогу.

– Не то чтобы плохо. Но как-то невесело... Поехали. Только не торопитесь там. Осмотримся вначале.

Дом Нео

2.07.2011 года.

Нео жил на Петроградке недалеко от зоопарка и в пяти минутах ходьбы от Владимирского собора, на последнем, пятом этаже старого дома с эклектичным пышным фасадом, лепниной и карнизами. Тин остановил машину напротив парадной, на противоположной стороне улицы. Предупредил движение Вирги выйти.

– Подождем.

Они просидели минут пять в темноте. Тин взглядался в окна домов рядом, внимательно рассматривал дом Нео. Нужный подъезд был зажат между небольшим кафе в стиле 70-х и крохотным китайским ресторанчиком с куклами и пагодами в витринах.

– За домом следят, – сказал Тин.

– Кто? – вырвалось у Вирги.

Тин даже удивился вопросу.

– Ну, вывеску они не успели повесить… Вон в машине… – он показал на наискосок через улицу.

– Сделаем так, – Тин вырулил на проезжую часть, они проехали дальше, развернулись на Кронверском и остановились на противоположной стороне, не доехая несколько домов до подъезда Нео. Втроем вылезли из машины, дошли до соседнего дома и нырнули в подъезд. Тин ничего не объяснял, только коротко говорил, что делать. Коля и Вирга молча следовали за ним.

Поднялись на лифте на последний этаж, потом по пожарной лесенке до двери чердака. На двери висел амбарный замок. Тин немного повозился и вырвал его вместе с петлями.

– Уф-ф! – Коля только вздохнул от удивления. С фонариком они прошли по темному чердаку до выхода на крышу. Вылезли наверх через дверцу в крохотном мезонине, больше похожем на скворечник. Двинулись по скату дальше в сторону дома Нео. Холодный ветер ударила в лицо и дергал за одежду. Вечернее небо было темно-синим, а сумерки вокруг – серыми с подсветкой.

Уровень крыш двух домов совпадал, не пришлось прыгать или перелезать через брандмауэр. Они нашли выход на чердак. Щелястая дверь закрыта на крючок изнутри. Открылась легко. Дверь на лестницу была не заперта вовсе. В этом доме с чердака спускался обычный лестничный марш. Из-за металлической сетчатой шахты старого лифта он выходил на лестничную площадку пятого этажа. За шахтой они остановились.

– Здесь две квартиры, – сказал Коля. – Нео живет там, – он указал на дверь с другой стороны площадки.

Тин опять долго вглядывался и, казалось, прислушивался. Потом проговорил тихо:

– На площадке видеокамера, контролирует сектор перед дверью. Наблюдение ведется из квартиры. Там два человека… Вооружены. Похоже, профи.

– Тин, что происходит вообще? – шепотом воскликнула Вирджи. Озвучила вопрос, который давно витал в воздухе.

– Как тебе сказать, похоже на шпионскую историю, – ответил он, не отрывая взгляда от двери, – спецслужбы или частная фирма. Чего-то хотят от Нео, не очень добрые и, вероятно, корыстные дяди. Что с ним, пока не ясно.

Тин бросил короткий взгляд на своих спутников и вернулся к наблюдению.

– Серьезная контора взялась за Нео. Почему? Хорошо бы знать, чтобы представлять ситуацию. У Нео и Данилы возможны проблемы. Но здесь их точно нет.

– Николай, не знаешь, кстати, что может таких людей заинтересовать?

– Каких таких?

– Скажем, разведку или крупный бизнес.

– Не знаю. У него куча офигенных, очень круtyх, просто гениальных программных разработок.

– Что ж, это возможный вариант. Особенно, если он придумал что-то совершенно особенное. К примеру, программу, предсказывающую будущее. С одной стороны, ситуация проясняется. С другой, чтобы найти Нео, надо туда войти. Следовательно, неизбежен контакт с этими ребятами: раз. И они будут знать, что Нео ищет кто-то еще: два.

Коля и Вирга ошарашено молчали.

– Делаем так, – продолжил Тин, – Николай, бежишь вниз той же дорогой, что пришли. Мы ждем здесь. По улице спокойно подходишь к парадной. У тебя гарнитура есть?

– Да.

– Лучше с ней, чтобы телефон в руках не держать. Заранее мне звонишь и остаешься на связи. Звонишь им по домофону и что-нибудь говоришь, например: «Нео, привет, это я». Если откроют, спокойно идешь по лестнице наверх. Если будет стрельба, под пули не лезь. Но ее, скорее всего, не будет.

– Давай, – Тин подтолкнул легонько Колю в сторону чердака, и тот исчез за дверью.

Двери открываются

2.07.2011 года.

Тин повернулся к Вирджи.

– Подождем, когда он позвонит, – достал телефон с отключенным уже звуковым сигналом и продолжил. – В момент разговора по домофону я подойду к двери.

– Тин, а как же камера? – жалобно спросила Вирджи.

– Сделаю фокус. Они меня на экране не увидят.

Вирга недоверчиво на него посмотрела. – Ты что, камеру заговоришь?

– Камеру сложно, – улыбнулся Тин, – а вот в сознании наблюдателя картинку пустой площадки и лестницы смогут удержать пару минут. Я на него уже настроился. Их там двое. Один пойдет открывать, другой будет следить за камерами и подстраховывать. Держи фонарик. Если махну рукой вот так, камеру засветишь. Это на всякий случай. *Дальше*. Я стою у двери, и у нас два варианта: либо человек откроет дверь сразу, чтобы контролировать лестницу, либо я отсчитываю время и звоню немного раньше, чем Коля дотопает до пятого этажа, и действую по ситуации.

Они присели на ступеньки за шахтой лифта и замолчали. Через несколько минут телефон в руке задрожал, Тин принял вызов и через десяток секунд услышал звонок домофона и затем, как Коля говорит в домофон. Тин отключил связь и в неуловимые какие-то скользящие два шага оказался у двери. Замер. В тишине было слышно, как далеко внизу топает по ступенькам Коля.

Дверь квартиры отворилась почти неслышно и очень плавно. Сначала приоткрылась немного и замерла. Человек за ней, видимо, оглядывал лестницу и прислушивался. Затем она отворилась шире, и из-за нее выдвинулись профиль мужчины и рука с пистолетом – крупный плечистый парень в водолазке. Он двигался скользящим мягким шагом, у плеча, стволом вверх, держал пистолет, смотрел больше на лестницу и одновременно контролировал все видимое пространство. Он еще краодучись подшагнул, хотел посмотреть вниз и одновременно проверить всю площадку, но не успел развернуться.

Сдвинувшись из-за двери с каким-то хитрым подворотом стоп, Тин оказался совсем близко перед ним. Ударил коротко. Вирге страшно стало от стремительности движений. Ей показалось, что его тело будто размазалось на мгновение в пространстве. Она не увидела, только знала, что он нанес несколько ударов и, скорее всего, еще фиксировал руку с оружием. Парень даже не качнулся назад, а сразу выключился, стал оседать на пол. Все произошло беззвучно. Тин придержал тело, положил его плавно. Пистолет был уже в его руке. Стelyющимся движением проскользнул в дверной проем. Через секунду раздался негромкий хлопок – выстрел. Еще через несколько секунд Тин появился в дверях и молча махнул ей рукой – заходи. Одновременно подоспел Коля.

– Затащим внутрь, – сказал Тин, и они с Николаем затянули неподвижное тело в коридор. Тин глянул на парня в водолазке. – В отключке будет еще пару минут. – Вирге бросил: – Поищи веревку или скотч.

Второй мужчина полусидел в коридоре, отвалившись спиной к стене. Он тоже был без сознания и ранен в плечо. Рука откинулась безжизненно, на рубашке расползлось темное пятно.

Тин командовал и двигался стремительно. – Все делаем быстро. Парни не успели ничего сообщить. Монитора и постоянной связи нет. Но внизу люди в машине. Лучше уложиться в пять минут. Скотч? – Вирге: – Заматывай руки, ноги. Вот так. Раненому только ноги. – Тин одновременно обшаривал карманы пленных, выкладывал вещи на пол. Бормотал под нос. –

Телефоны. Кошельки. Оружие. Записных книжек, листков нет. Ничего лишнего в карманах, даже носовых платков, – оскалился Тин. Коле: – Осмотря квартиру. Проверь, все ли на месте. Если знаешь, где компьютер, флешки, диски тащи сюда. Замечай, есть ли что-то необычное.

Пленных положили рядом. Тин кивнул Вирге. – Дальше я сам, иди помоги, – показал на Колю. Связал раненого аккуратно, достал футляр с иглами, быстро и умело поставил несколько иголок в точки. Одновременно заметил, что тот пришел в сознание и смотрит полуосмысленным испуганным взглядом.

– Ты… что делаешь? – хрипло прошептал раненный и попробовал шевельнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.